

• ПАОЛО БАЧИГАЛУПИ •

Разрушитель
КОРАБЛЕЙ

fanzon

Разрушитель кораблей

Паоло Бачигалупи

Разрушитель кораблей

«ЭКСМО»

2009

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Бачигалупи П.

Разрушитель кораблей / П. Бачигалупи — «Эксмо»,
2009 — (Разрушитель кораблей)

ISBN 978-5-04-091683-2

Поражающая контрастами картина будущего: ресурсы исчерпаны, города мертвы, пропасть между нищими дикарями и состоятельными владельцами новых технологий непреодолима. Ценой изнуряющего труда, упорства, предательства и везения на затопленных берегах Мексиканского залива подростки должны выбраться из «низов» и выжить. В заброшенных нефтяных танкерах они добывают цветные металлы, рискуют, мечтают, взрослеют. И в лучших традициях приключенческих историй и романов воспитания выбирают между чувством – и разумом, благородными, «правильными» поступками – и сиюминутной выгодой.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-091683-2

© Бачигалупи П., 2009

© Эксмо, 2009

Паоло Бачигалупи

Разрушитель кораблей

© М. Новыш, перевод на русский язык, 2018

© ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Посвящается Арджуне

1

Гвоздарь пролез сквозь технический тоннель, держась за медный кабель, и рывком отдрал его. В воздухе повисла пыль, смесь асбеста и высохшего мышиного помета. Пополз дальше, продолжая сдергивать кабель с алюминиевых скоб, которые блестели на мятой металлической стене тоннеля, будто монеты, поднесенные Богу-Мусорщику. Гвоздарь принялся тщательно собирать их, складывая в кожаный мешочек на поясе. Снова дернул кабель. Еще добрый метр ценного медного кабеля, снова его окутала пыль.

Намазанная на лоб паста из наносветодиодов заполняла технический тоннель тусклым зеленым светом. Мир, в котором он жил. Грязь вперемешку с соленым потом стекала в глаза, разъедая их, стекала дальше, по краям респиратора. Он вытер соленые разводы покрытой шрамами рукой аккуратно, чтобы не стереть пасту. Кожа под пастой отчаянно чесалась, доводя его до бешенства, но нечего было и надеяться найти выход из этих тоннелей, похожих на гигантские мышиные ходы, в темноте. Ладно, терпеть можно. Гвоздарь огляделся.

Ржавые трубы тянулись вперед, уходя в темноту. Железные, но некоторые – из нержавеющей стали. С ними пусть разбирается команда по тяжелым грузам. Гвоздарь собирал легкую добычу – медные провода, алюминий, никель, стальные скобы, все, что можно собрать в мешок и вытащить через тоннель на себе. Все, чем занимается команда по легким грузам, ждущая его снаружи.

Гвоздарь развернулся, чтобы лезть дальше по тоннелю, но стукнулся головой в потолок. Грохот эхом отдался по всему тоннелю так громко, будто он оказался внутри церковного колокола христианского храма. Пыль лавиной обрушилась ему на голову. Несмотря на респиратор, он закашлялся, края маски плохо прилегали к лицу. Он чихнул, чихнул еще раз, глаза зазлезились. Снял респиратор и протер лицо, потом снова надел, прижимая, чтобы клейкий обод пристал к коже хоть как-то.

Респиратор был не первой свежести, его отдал ему отец. Под ним все время чесалась кожа, он уже плохо клеился, поскольку был не того размера и старый, но это все, что было у Гвоздаря. На боку респиратора была выцветшая надпись: ЗАМЕНИТЬ ПОСЛЕ 40 ЧАСОВ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ. Но у Гвоздаря было нечем его заменить, как и у всех остальных. Хорошо хоть этот есть, пусть и микроволокно фильтра уже начало рваться от постоянной стирки в соленой океанской воде.

Ленивка, его напарница, каждый раз смеялась над ним, когда он это делал, спрашивая, чего он вообще морочится. С этим респиратором адова работа в тоннелях еще тяжелее, от него еще жарче, чем есть. Смысла нет, говорила она. Иногда он думал, что она права. Но мать Пимы сказала ему и Пиме всегда надевать респираторы. По правде сказать, то количество черной грязи, которое он выполаскивал из фильтра, убеждало. Это та грязь, которая не осталась у вас в легких, говорила мать Пимы, поэтому он продолжал работать в респираторе, пусть и

едва не задыхаясь, когда пытался втягивать влажный тропический воздух через свалевшийся и мокрый от его дыхания фильтр.

– Кабель снял? – эхом загремел голос в тоннеле.

Ленивка. Зовет его, стоя у входа в тоннель.

– Почти весь! – отозвался Гвоздарь, продолжая лезть дальше по тоннелю, сдирая куски кабеля и собирая скобы. Он не добрался до конца, но на сегодня хватит. Отрезал кабель у стенки пилой на обухе рабочего ножа.

– Готово! – крикнул он.

– Отпускай! – крикнула в ответ Ленивка.

Кабель пополз прочь от него, извиваясь и поднимая клубы пыли. Где-то далеко, на другом конце лабиринта, Ленивка крутила ручку барабана, сматывая кабель. Пот тек по ее лицу, светлые волосы облепили его, но она продолжала вытягивать кабель, будто гигантскую нитку рисовой лапши из чашки супа, которым кормили у Ченя.

Снова взяв нож, Гвоздарь нацарапал на стене кодовый знак команды Бапи. Такой же, как затейливая татуировка на щеках Гвоздаря, метка, позволявшая ему работать на сломе кораблей под началом Бапи. Взяв щепотку светящейся краски, Гвоздарь плюнул на нее, растер в ладонях и намазал краской метку. Теперь она видна даже на расстоянии. Потом пальцем нарисовал на стене цифровой код. LC57-1844. Код, который дал ему Бапи. Пока что никто не пытался работать в этой части тоннелей, но пометить территорию всегда полезно.

Гвоздарь собрал оставшиеся алюминиевые скобы и торопливо полез на карачках обратно по тоннелю, осторожно огибая опасные места, где металл держал слабо. В ушах стоял звон и грохот, он внимательно прислушивался к звукам на случай, если короб начнет ломаться.

В тусклом свете от пасты на лбу он видел змеиный след в пыли там, где проволокли медный кабель. Проползал между высохших трупов крыс и их гнезд. Даже здесь, в чреве древнего танкера, жили крысы. Но эти уже давно умерли. Еще кости: кошек и мелкие птички. В воздух поднялись перья и пух. Ближе к выходу во внешний мир вентиляционные короба представляли собой кладбище самых разных созданий.

Впереди засверкал яркий солнечный свет. Гвоздарь прищурился, ползя в его сторону и думая, как это похоже на символическое возрождение, в Культуре Жизни, выбираться из темноты на яркий свет солнца. Выскочил наружу, на раскаленную стальную палубу.

Содрал респиратор и принялся судорожно хватать ртом воздух.

Яркий свет тропического солнца и соленый ветер, дующий с океана, окутали его. Вокруг грохотали кувалды, толпы мужчин и женщин, лазающие по древнему танкеру, раздирали его на куски. Команды, работающие с тяжелыми грузами, отрезали листы обшивки ацетиленовыми резаками и скидывали их вниз, на песок пляжа, как огромные пальмовые листья. Другие подбирали их внизу и отгаскивали за линию прилива. Команды по легким грузам, такие как группа Гвоздаря, снимали добычу поменьше – медь, алюминий, латунь, никель и нержавейку. Другие искали на корабле оставшиеся в незатопленных карманах нефть, машинное масло и бензин. Вычерпывали ценные жидкости ведрами. Вся эта суета, достойная муравейника, должна была выжать из разбитого корабля все, что могло пригодиться в их новом мире.

– Прилично провозился, – сказала Ленивка.

Стукнула по фиксаторам катушки, отцепляя ее от оси. Ее светлая кожа сверкала на солнце, татуировки команды на ее румяных щеках выглядели почти черными. По шее стекал пот. Светлые волосы, коротко стриженные, почти так же, как у него самого, чтобы не застревать в тысячах щелей и не намотаться на вращающиеся части механизмов, тоже пропитались потом.

– Уже глубоко залезли, – ответил Гвоздарь. – Там много проводки, но добираться до нее долго.

– Всегда найдешь оправдание.

– Хватит ныть. Норму сделаем.

– Хорошо бы, – сказала Ленивка. – Бапи говорил, что еще одна команда по легким грузам купила права на работу здесь.

– Как удивительно, – скорчив рожу, ответил Гвоздарь.

– Ага. Слишком долго хорошо не бывает. Помоги-ка.

Гвоздарь подошел к катушке с другой стороны. Крякнув, они сняли ее с оси, оттащили в сторону и уронили на ржавую палубу с грохотом. Потом, встав плечом к плечу, покатали ее, упершись ногами и стиснув зубы.

Катушка медленно покатила. Босые ноги Гвоздаря жгло металлом раскаленной палубы. Из-за наклона палубы толкать катушку было тяжело, но общими усилиями они катили ее. Под катушкой захрустела облупившаяся краска, загрохотали плохо закрепленные листы настила.

С высоты палубы танкера Брайт Сэндз Бич было видно целиком. Покрытый черной грязью песок и полоса приборья, усеянные полуразобранными корпусами нефтеналивных танкеров и грузовых судов. Некоторые еще совсем целые, будто безумные капитаны еще вчера направили свои огромные, в километр длиной, корабли на песчаный пляж, а потом просто ушли. Другие – уже ободранные до костей, нагромождение ржавого железа. Их корпуса лежали на песке, как тела огромных выпотрошенных рыб, порезанные на части. Надстройка тут, кубрик там, носовая часть танкера, запрокинувшаяся в небо. Будто Бог-Мусорщик прошел меж ними, рубя и режа их на куски, раздирая на части и разбрасывая в стороны. И каждый из огромных кораблей был облеплен, как мухами, множеством людей. Падальщики, такие же как команда Гвоздаря. Питающиеся железным мясом и костями. Раздирающие плоть прежнего мира, чтобы сложить ее на весы приемщиков и отправить в плавильные печи компании «Лоусон энд Карлсон», работающие круглые сутки, без перерывов и выходных. Компании, делающей деньги на поте и крови разрушителей кораблей.

Гвоздарь и Ленивка на мгновение остановились, тяжело дыша и опираясь на тяжелую катушку. Гвоздарь вытер пот с глаз. Покрытая масляной пленкой темная гладь океана ближе к горизонту светлела, становясь голубой, отражая солнце и небо. Белели пенные гребни волн. Здесь, на берегу, небо было затянуто дымом от постоянно работающих плавильных печей, но там, вдали, он видел голубое небо и белеющие паруса. Современные корабли, клиперы, пришедшие на смену огромным судам прошлого, сжигавшим уголь и нефть, тем, которые теперь лежали на берегу, которые они день и ночь раздирали на куски. Новые корабли, с углепластиковыми корпусами, парусами, белые, как крыло чайки, быстрые, быстрее всех, кроме разве что поездов на магнитной подушке.

Гвоздарь проводил взглядом клипер, рассекающий воду, изящный и быстроходный, недосыгаемый. Быть может, часть той меди, которую он сегодня добыл и смотал на катушку, вскоре окажется на одном из таких кораблей. Прежде ее отвезут поездом в Орлеан, потом погрузят в трюм грузового клипера, а потом отправят за океан людям или государствам, которые могут позволить себе заплатить за нее.

У Бапи был плакат с клипером производства «Лайбскинд, Браун и Моханрадж» на настенном календаре. Клипер с высотными парусами, заброшенными высоко в небо, так высоко, что, по словам Бапи, они достигали зоны сильных ветров и могли нести корабль по волнам со скоростью больше пятидесяти пяти узлов, на подводных крыльях, выбрасывая в воздух клочья пены и брызги соленой воды. Через океан, в Африку и Индию, к европейцам и японцам.

Гвоздарь жадно глядел на паруса вдали, думая о тех местах, куда ходят эти корабли, о том, лучше ли там, чем здесь.

– Гвоздарь! Ленивка! Где вы там, черт вас дерит?

Гвоздарь дернулся, услышав свое имя. С нижней палубы танкера им махала рукой Пима, раздраженно глядя на них.

– Тебя ждем, подруга!

– Командирша на прогулке, – пробормотала Ленивка.

Гвоздарь скривился. Пима была старшей из них, поэтому и командовала. И даже их давняя дружба не спасет его, если они не выполнят норму.

Он и Ленивка снова взялись за катушку. Покрякивая, покатали ее по искореженной палубе и подкатали к примитивному крану, установленному у борта. Подцепили крюки к проушинам, схватились за трос и вспрыгнули на катушку, когда кран оторвал ее от палубы и начал спускать на нижнюю палубу. Катушка медленно раскачивалась и крутилась.

Как только катушка очутилась на нижней палубе, Пима и остальные члены группы окружили их. Отцепили катушку и покатали к носу танкера, туда, где занимались чисткой кабелей. Повсюду валялись куски изоляции и мотки собранного ими медного кабеля, сверкающие на солнце, аккуратно сложенные и помеченные знаком команды Бапи, таким же причудливым знаком, как и татуировки у них на щеках.

Все принялись чистить от изоляции кабель, добытый Гвоздарем, и складывать его аккуратными кучками. Работа шла быстро, они давно с ней освоились, как и друг с другом. Пима, главная, старшая, ростом выше остальных, уже выглядящая как взрослая женщина. Черная, как нефть, и крепкая, как сталь. Ленивка, худощавая, светлокожая, костлявая и голенастая, с грязными светлыми волосами, следующий кандидат на работу в тоннелях, когда Гвоздарь вырастет и уже не сможет там лазать. Ее светлая кожа постоянно обгорала на солнце и шелушилась. Девочка-Луна, с кожей цвета бурого риса, чья ветреная мамаша умерла от очередного приступа малярии. Работавшая упорнее всех в команде, поскольку знала, какова альтернатива этой работе. Ее уши, губы и нос, украшенные кусками стальной проволоки, которыми она проткнула свою плоть в надежде, что никто не возжелает ее так, как желали ее мать. Тикток, близорукий, все время шурящийся, такой же чернокожий, как Пима, но отнюдь не такой же умный, проворный, когда ему четко объяснишь, что делать, и неутомимый. Жемчужный, индеец по крови, рассказывающий им сказки про Шиву, Кали и Кришну, везучий, поскольку у него есть и мать, и отец, которые работают в команде, собирающей нефть. Черноволосый, смуглый, без трех пальцев на руке после несчастного случая на работе с катушкой.

И сам Гвоздарь. Некоторые, например Жемчужный, знали, кто они такие и откуда родом. Пима знала, что ее мать родом с одного из островов на другой стороне Залива. Жемчужный всем говорит, что он чистокровный марвари из Индии. Даже Ленивка знает свои корни. Говорит, что ее предки – ирландцы. А вот Гвоздарю с этим не повезло. Он понятия не имеет, кто он такой. Половинка того, четвертинка этого, смуглая кожа и черные волосы, как у его покойной матери, но странные голубые глаза, как у его отца.

Одного взгляда ему в глаза Жемчужному хватило, чтобы сказать, что он – отродье демонов. Но он все время что-нибудь да брякнет. Например, что Пима – воплощение Кали, поэтому у нее черная кожа и поэтому она такая грозная, когда они не выполняют норму. Ну и ладно. Гвоздарь унаследовал от отца, Ричарда Лопеса, светлые глаза и худощавую фигуру, а Ричарда Лопеса здесь многие считали демоном. Трезвый, он просто выглядел пугающе, пьяный же становился сущим демоном.

Отмотав кусок кабеля, Гвоздарь присел на палубу. Подцепил край провода пассатижами и одним рукавом снял изоляцию, обнажив сверкающую медь.

И снова. И снова.

Пима сидела рядом с другим куском кабеля.

– Долго ты тащил эту порцию.

Гвоздарь пожал плечами.

– Поблизости уже ничего нет. Пришлось залезть далеко.

– Ты всегда так говоришь.

– Хочешь сама слазать в дыру – вперед.

– Я слазаю, – вызвалась Ленивка.

Гвоздарь поглядел на нее неодобрительно. Жемчужный фыркнул.

– У тебя нет чутья получеловека. Потеряешься, как Малыш Джексон, и у нас вообще никакой добычи не будет.

Ленивка резко махнула рукой.

– Забей, Жемчужный. Я никогда не потеряюсь.

– Даже в темноте? Когда все короба похожи один на другой?

Жемчужный сплюнул в сторону борта. Попал в рейлинг.

– Команды на «Дип Блю III» несколько дней слышали, как Малыш Джексон звал на помощь. Но так и не нашли его. Мелкий паршивец умер от жажды.

– Скверная смерть, – заметил Тик-ток. – От жажды. В темноте. В одиночестве.

– Заткнитесь вы, оба, – сказала Девочка-Луна. – Хотите, чтобы мертвые пришли на зов?

– Просто пытаемся сказать, что Гвоздарь всегда норму делает, – пожав плечами, ответил Жемчужный.

– Блин, я раз в двадцать больше Гвоздаря притащу, – сказала Ленивка, проводя пальцами сквозь пропитанные потом светлые волосы.

Гвоздарь рассмеялся:

– Тогда давай. Посмотрим, выберешься ли живой.

– Ты уже всю катушку занял.

– Значит, не свезло тебе.

Пима хлопала Гвоздаря по плечу:

– Я серьезно. Мы простаивали, пока тебя ждали.

Гвоздарь поглядел ей в глаза:

– Я норму сделал. Не нравится, как я работаю, – попробуй сама.

Пима раздраженно сжала губы. Это было бессмысленное предложение, и они оба это знали. Она уже слишком выросла, ссадины и шрамы на спине, локтях и коленях – лучшее тому доказательство. В командах по легким грузам нужны мелкие. Большинство детей к четырнадцати-пятнадцати вырастают, даже если морят себя голодом, чтобы расти поменьше. Если бы Пима не была хорошим командиром, она бы уже побиралась на берегу, голодная. А так у нее был еще год-два, чтобы вырасти окончательно и попробовать посоревноваться с сотнями других, желающих получить место в команде по тяжелым грузам. Ее время уходило, и это понимали все.

– Нечего нос задирать, коли тебе повезло уродиться в отца, худым как хлыст. Иначе оказался бы в таком же положении, как я, – сказала Пима.

– Ну, есть хоть что-то, за что я могу его поблагодарить.

Если он в отца, то никогда не вырастет здоровяком. Проворным, да, но не здоровым. Отец Тик-тока заявлял, что они все не вырастут такими же, как родители, из-за недостатка калорий. Говорил, что люди на Бостонском побережье всё такие же рослые. У них достаточно денег, достаточно еды. Они никогда не голодают. Растут высокие, толстеют...

Гвоздарь со счета сбился, сколько раз он чувствовал, как живот прилипает к спине. Интересно, как это – не быть голодным? Не просыпаться среди ночи оттого, что жуешь губы с голоду, пытаясь представить себе, что ешь мясо. Глупые выдумки. Слова «Бостонское побережье» звучали для него почти так же, как «Христианский Рай» или легкая жизнь, которую обещает Бог-Мусорщик, если ты сожжешь вместе со своим телом правильное подношение, прежде чем очутиться на его весах.

В любом случае, чтобы туда попасть, надо умереть.

Работа продолжалась. Гвоздарь продолжал чистить кабель, выкидывая снятую изоляцию через борт. Солнце жарило. Их кожа стала блестящей от пота. Соленые капли пота блестели, как камешки, свисали с волос, стекали в глаза. Руки стали скользкими, татуировки на щеках

сверкали на раскрасневшихся лицах. Они еще недолго болтали и перешучивались, но постепенно все умолкли, ритмично работая и растя рядом с собой кучки очищенного провода, который отправится тем, кто за него заплатит.

– Босс идет!

Крик донесся снизу, от кромки воды. Все пригнулись, делая вид, что работают еще усерднее, и ожидая, кто появится у борта. Если это чужой босс, можно будет расслабиться...

Бапи.

Гвоздарь скривился, увидев, как их босс, пыхтя, поднялся на борт судна. Его черные волосы блестели от пота, брюшко мешало ему лазать, но, когда дело касалось денег, этот ублюдок был готов на все.

Перегнувшись через рейлинг, Бапи остановился, переводя дыхание. Надетая на работу майка потемнела от пота. Она была заляпана желтым и коричневым, от карри или сэндвича, который он съел. От одного взгляда на эти пятна Гвоздарь почувствовал голод, но еды ему до вечера не видать, так что нечего и думать о той, которой Бапи никогда не поделится.

Проворные карие глаза Бапи оглядели их всех, готовые увидеть любой признак лени и отсутствия сосредоточенности на том, чтобы выполнить норму. Хотя никто и так не филонил, под взглядом Бапи они принялись работать еще быстрее, стараясь продемонстрировать ему, что их стоит держать в команде. Бапи сам когда-то был в команде по легким грузам, так что он знал все трюки и ухищрения. Это и делало его опасным.

– Что собрали? – спросил он Пиму.

Пима подняла взгляд, прищурившись, против солнца.

– Медь. Немало. Гвоздарь нашел короба, в которых не побывала команда Красотки.

Белые зубы Бапи блеснули. В середине была дыра. В драке ему выбили средние резцы.

– Сколько?

Пима мотнула головой в сторону Гвоздаря, давая ему знак говорить.

– Пока что килограмм сто, может, сто двадцать, – сказал он. – И там еще достаточно.

– Да ну? – переспросил Бапи и кивнул. – Тогда поспешите и вытащите побыстрее. Не возитесь с зачисткой. Главное, заберите весь кабель.

Он поглядел в сторону горизонта.

– В «Лоусон энд Карлсон» сказали, что будет ураган. Сильный. Пару дней не сможем работать на кораблях. Наберете достаточное количество кабеля, а потом будете его чистить, на песке.

Гвоздарь сдержал гримасу отвращения при мысли о том, что ему снова придется лезть во тьму, но Бапи уловил его настроение.

– Есть проблемы, Гвоздарь? Думаешь, если шторм, то можно будет сидеть на жопе?

Бапи махнул рукой в сторону протянувшихся вдоль кромки джунглей рабочих лагерей.

– Думаешь, я не найду там еще сотню паршивцев, каждый из которых не прочь занять твое место? Там есть такие, которые дадут мне им глаз вырезать, только чтобы я взял их работать на корабли.

– Никаких у него проблем, – вмешалась Пима. – Тебе нужен кабель, мы его достанем. Без проблем.

Она жестко глянула на Гвоздаря.

– Мы твоя команда, босс, – продолжила она, снова переводя взгляд на Бапи. – У нас нет проблем.

Все дружно закивали. Гвоздарь встал и отдал остатки кабеля Тик-току.

– Без проблем, босс, – повторил он за Пимой.

Бапи мрачно поглядел на него.

– Ты точно можешь за него поручиться, Пима? А то я вполне готов резануть ножом ему по татуировкам и выкинуть отсюда.

– Он хороший добытчик, – ответила Пима. – Благодаря ему мы перекрыли норму.
– Да ну? – переспросил Бапи, слегка помягчев. – Ладно, ты над ними главная. Не буду вмешиваться.

Он оглядел Гвоздаря.

– Следи за собой, парень. Я знаю, о чем думают такие, как ты. Все время ждут, что сорвут куш, как Лаки Страйк. Найдут большой нефтяной карман и больше ни дня в жизни не будут работать. Твой старик был таким же ленивым ублюдком. Видишь, что с ним стало теперь.

Гвоздарь почувствовал, как в нем закипает гнев.

– Я о твоём отце ничего не говорил.

Бапи рассмеялся.

– Что? Хочешь со мной подраться, мальчик? Ткнуть мне ножом в спину, как попытался бы сделать твой старик?

Он коснулся ножа.

– Пима за тебя поручилась, но я не думаю, что ты понимаешь, какое большое одолжение она тебе сделала.

– Хватит, Гвоздарь, – приказала Пима. – Твой отец того не стоит.

Бапи глядел на все, слегка улыбаясь. Его рука повисла рядом с ножом. У него все козыри, и они оба это знают. Гвоздарь склонил голову, сдержавшись.

– Я принесу добычу, босс. Не вопрос.

Бапи отрывисто кивнул Гвоздарю.

– Значит, ты умнее, чем твой старик.

Повернулся к остальным.

– Слушайте, все. У нас мало времени. Если успеете побольше собрать до урагана, с меня надбавка. Сюда скоро придет еще одна команда по легкому грузу. Мы же не собираемся оставлять им легкой добычи, так?

Он хищно оскалился, и все закивали.

– Никакой легкой добычи, – хором ответили они.

2

Гвоздарь забрался внутрь танкера глубже, чем когда-либо в жизни. Никаких светящихся меток, оставленных другими командами по легким грузам, никаких признаков того, что здесь кто-то лазил, разгребая пыль и крысиный помет.

Над головой шли три кабеля с медным проводом, хорошая находка, означающая, что они перекроют норму, но Гвоздарю было не до того, чтобы радоваться. Респиратор забился, а еще он, в спешке бросившись в тоннель, забыл подновить светодиодную пасту на лбу. А теперь, когда темнота начала сжиматься вокруг него, с горечью вспомнил об этом.

Оторвал еще кабеля. Проход становился все уже, а меди становилось все больше. Он осторожно пополз вперед, и короб скрипнул, еле держа его вес. Легкие обожгло парами бензина. Очень хотелось бросить все и вылезти. Если он развернется сейчас, то минут через двадцать выберется наружу и вдохнет свежего воздуха.

Но что, если он собрал мало?

Бапи и так его недолюбливает. А Ленивка уже готова встать на его место. *Я раз в двадцать больше его соберу.* Ее слова все еще стояли у него в ушах.

Предостережение. У него появился конкурент.

Без разницы, что Пима за него поручилась. Если Гвоздарь не наберет нормы, Бапи режет ему ножом по щекам, перечеркивая рабочие татуировки, и даст шанс Ленивке. И Пима ничего не сможет возразить. Никого не станут держать в команде, если это вредит делу.

Извиваясь, Гвоздарь пополз вперед. Слова Ленивки будто придали ему сил. Он срывал со стенок все больше медного кабеля. Светодиодная паста почти потухла. Он был один, в темноте, и единственной путеводной нитью ему был оборванный кабель. Впервые в жизни он испугался, что не сможет найти обратной дороги. Танкер огромный, рабочая лошадка нефтяной эпохи, почти что плавающий город. А он у него в самом нутре.

Когда умирал Малыш Джексон, его так и не нашли. Слышали, как он колотит по металлу коробов, зовет на помощь, но так и не смогли найти его между стенками двойного корпуса, куда он забрался. Спустя год, когда команда по тяжелым грузам резала корпус, на них внезапно вывалился мумифицированный труп маленького паршивца, как таблетка из пачки. Сухой, как прошлогодние листья, он зашуршал, упав на палубу. Высохший и обгрызанный крысами.

Не думай о нем. А то призовешь сюда его призрак.

Тоннель становился все теснее, и Гвоздарь едва не упирался в него плечами. Представил себе, что застрял, как пробка в бутылке. Застрял во тьме, и никогда не выберется. Протянул руку вперед и оторвал еще кусок кабеля.

Достаточно. Более чем достаточно.

Гвоздарь нацарапал код Бапи ножом вслепую, по крайней мере, попытавшись застолбить территорию на будущее. Сжался в комок. Колени к подбородку, локти и хребет уперлись в стенки тоннеля. Он начал разворачиваться. Сжался еще туже, выдохнув, выбрасывая из головы мысли о бутылках и пробках, о Малыше Джексоне, умирающем во тьме и одиночестве. Еще сильнее. Разворот. Скрип короба, когда он снова уперся в металл.

Развернулся и вытянулся, вздохнув с облегчением.

Еще год, и он станет слишком большим для такой работы. Тогда Ленивка точно займет его место. Может, он и не слишком большой для своего возраста, но все становятся слишком большими для команд по легким грузам рано или поздно.

Гвоздарь пополз обратно по тоннелю, скатывая кабель перед собой. Самым громким звуком было его хриплое дыхание под маской респиратора. Остановившись, он ощупал уходящий вперед кабель, убеждаясь, что он на месте и выведет его к свету.

Не паникуй. Ты сам его оторвал. Просто надо лезть вдоль него...

Позади послышалось шуршание, эхом отдаваясь в тоннеле.

Гвоздарь замер, и у него пошел мороз по коже. Наверное, крыса. Но что-то слишком громко. Перед глазами сразу возник другой образ, непрошенный. Малыш Джексон. Гвоздарь вполне мог себе представить, что призрак мертвого парнишки может блуждать здесь, во мраке. Ища его. Чтобы схватить за лодыжки костлявыми пальцами.

Гвоздарь попытался пересилить панику. Это просто воображение. Пусть паранойей страдает Девочка-Луна, но только не он сам. Но страх был с ним, здесь и сейчас. Он уже начал сдвигать в сторону кабель, отчаянно желая поскорее выскочить наружу, на свет, к свежему воздуху. Выползет, обновит пасту на лбу, вернется и разберется, что здесь такое. На хрен Ленивку и Бапи. Дышать очень хочется.

Гвоздарь принялся обползать моток медного кабеля. Короб угрожающе заскрипел под суммарным весом его тела и мотка кабеля. Глупо было так много набирать. Надо было порезать на куски, и пусть Пима и Ленивка их вытягивают. Но его торопили, поэтому он столько и набрал. Гвоздарь полез вперед, сдвигая кабель в сторону. Обрадовался, когда стряхнул спутанные кольца с ног.

Короб громко заскрежетал и задрожал.

Гвоздарь замер.

Короб продолжал скрежетать и дребезжать. Слегка просел и наклонился. На грани того, чтобы развалиться. Лихорадочная возня Гвоздаря и дополнительный вес в виде кабеля оказались для него велики.

Гвоздарь распластался и замер с колотящимся сердцем. Попытался почувствовать, что дальше станет с коробом. Металл умолк. Гвоздарь ждал и прислушивался. Снова пополз вперед, осторожно перенося свой вес.

Металл взвизгнул, и короб ухнул вниз. Гвоздарь замахал руками, ища, за что ухватиться. Окружающий мир рушился, в буквальном смысле слова. Он схватился за оторванный кабель. Секунду кабель держал его вес над бездонной ямой. А потом оторвался, и Гвоздарь рухнул вниз.

Не хочу, как Мальши Джейксон, не хочу, как Мальши Джейксон, не хочу...

Он плюхнулся в жидкость, теплую и вязкую. Чернота поглотила его, едва колыхнувшись.

3

Плыви, ублюдок, плыви, ублюдок, плыви, ублюдок...

Плыви!

Гвоздарь камнем пошел ко дну сквозь теплую вонючую жидкость. Плыть в ней было все равно будто пытаться плыть во влажном воздухе, не в воде. Как он ни старался, теплая жижа не давала опоры, будто засасывая его.

Почему я не могу плыть?

Он хорошо плавал. Никогда не боялся утонуть в океане, даже в сильную волну. А сейчас тонул. Рука запуталась в чем-то твердом. Медный кабель. Он все еще держался за него в надежде, что кабель не до конца оторвался от короба там, наверху.

Кабель скользил в руке, тонкий и скользкий.

Нефть!

Гвоздарь попытался отогнать страх. В нефти невозможно плавать. Она тебя просто засасывает, как зыбучие пески. Вцепившись в кабель, он обмотал его вокруг руки, чтобы тот не выскользнул. Перестал погружаться. Начал потихоньку вытягивать себя вверх из вязкой жижи. Легкие жгло, хотелось вдохнуть. Перехватывая руками кабель, он вытащил себя повыше. Подавил желание вдохнуть поглубже, сдать, наполнив легкие нефтью. Это было бы так просто...

Вынырнул из нефти, как кит из воды. Нефть вязким каскадом стекла с лица. Открыл рот, чтобы вдохнуть.

Ничего. Только странное давление на лицо.

Маска!

Гвоздарь сорвал с лица респиратор и судорожно вдохнул. Пары бензина обожгли легкие, но дышать можно. Изнутри респиратор остался чистым, и он протер им глаза. Открыл, и их сразу же начало сильно жечь. Хлынули слезы. Он заморгал.

Вокруг царил темнота. Непроглядная.

Он оказался в каком-то нефтяном резервуаре, может, нефтяном кармане, образовавшемся в результате утечки, или запасном хранилище, или... Он понятия не имел, где он. Если ему действительно не повезло, то это один из главных резервуаров. Закончив протирать глаза, Гвоздарь выкинул респиратор. Теперь от него толку нет. От нефтяных испарений подташнивало. Он постарался дышать неглубоко, продолжая держаться за кабель. Кожу жег содержащийся в нефти бензин. Вдалеке слышался грохот кувалд. Рабочие команды по тяжелым грузам колотили по кораблю без малейшего понятия о том, что здесь человек в беде.

Руки начали соскальзывать с кабеля. Гвоздарь попытался ухватиться получше, проделав петлю в петлю провода. Над головой снова закрепился короб. Гвоздарь почувствовал укол страха. Несколько жил кабеля, тянувшихся к техническому коробу высоко над головой, – вот все, что держит его на поверхности. Но это временно. Скоро короб не выдержит, и он снова пойдет на дно. Легкие наполнит нефть, он начнет захлебываться и барахтаться...

Успокойся, идиот.

Гвоздарь подумал насчет того, сможет ли он плыть, но отбросил эту мысль. Мозги фокусы выкидывают, будто жидкость вокруг – вода и в ней можно плыть. Это нефть, она другая. Она не удержит на поверхности человеческое тело, как ни старайся. Просто поглотит тебя. Гвоздарь видел, как мужик из команды по тяжелым грузам утонул в нефти. Бешено барахтался, крича от ужаса, но недолго. Просто ушел вниз, прежде чем кто-нибудь успел бросить ему веревку.

Не паникуй. Думай.

Гвоздарь выставил руку вперед, в черноту. Попытался нащупать хоть что-нибудь – стену, кусок плавающего мусора, хоть что-то, чтобы понять, где он оказался. Но не мог нащупать ничего, кроме воздуха и вязкой поверхности нефти. От его шевелений короб наверху снова заскрежетал. Кабель слегка подался. Что-то там не выдержало. Затаив дыхание, Гвоздарь уже был готов к новому погружению в нефть, но кабель снова натянулся.

– Пима! – заорал он.

Голос метнулся эхом, быстро вернувшись к нему.

Гвоздарь удивился и вцепился в кабель покрепче. Судя по эху, вокруг не так много места, как он предполагал. Стены рядом.

– Пима!

Снова лишь мгновенное эхо.

Это не большой нефтяной резервуар. Много, много меньше. Ободренный близостью стен, Гвоздарь снова потянулся в сторону, но не рукой, а ногой. Она длиннее.

С третьей попытки нащупал пальцами ног шершавый металл. Стена, и что-то еще... Гвоздарь вдохнул, чувствуя облегчение, пусть и небольшое. Тонкая труба идет поперек. Где-то сантиметр в диаметре, но она прочная, куда лучше, чем спутанный кабель, свисающий с готового обрушиться короба.

Не раздумывая, Гвоздарь бросился в сторону стены.

В то же мгновение короб над головой заскрежетал и сломался. Гвоздарь начал погружаться, барахтаясь и стараясь ухватиться за тонкую трубу. Покрытые нефтью руки коснулись стены и заскользили по ней. Поймал. Подтянул себя к стене, вцепившись пальцами в трубу. Пальцы задрожали от напряжения. Нефть отказывалась держать его на поверхности. Он уже устал. И долго так не продержится.

Гвоздарь начал пробираться вдоль стены, перебирая руками по трубе и ища место, где ухватиться получше. Если повезет, то может попасться и лестница. Но труба внезапно сделала резкий изгиб, уходя вниз, под поверхность нефти.

Гвоздарь едва сдержался, чтобы не расплакаться. Он умрет, тут.

Не паникуй.

Если расплчется, ему крышка. Надо думать, а не хныкать, как младенец, но мысли уже путаются, как у пьяного. Эти жуткие испарения. Понятно, как все это окончится. Он еще недолго сможет держаться, продолжая вдыхать отравленный парами воздух, как жук на стенке, но устанет, и его начнет вырубать от паров бензина. И он просто сорвется вниз.

Как же его угораздило найти себе такую глупую смерть? Это же даже не основной бак танкера. Просто какое-то помещение, залитое протекшей из бака нефтью. Даже смешно, правда. Лаки Страйк нашел нефтяной карман, и полученные деньги дали ему свободу. Гвоздарь нашел такой же, но только для того, чтобы погибнуть.

Утонуть в этих проклятых деньгах.

Гвоздарь едва не рассмеялся. Никто в точности не знал, сколько нефти нашел и смог спереть Лаки Страйк. Он делал это потихоньку, очень долго. Ведро за ведром, пока не набрал достаточно, чтобы выкупить свой контракт и свести с лица рабочие татуировки. И у него осталось еще столько, что он смог стать агентом по найму, продавая места в той самой команде по

тяжелым грузам, из которой он вырвался. Не слишком много нефти, и так много хорошего, что на нее можно сделать. Как Лаки Страйк. А Гвоздарь сейчас по горло в этой самой нефти.

– Гвоздарь?

Еле слышный голос вдали.

– Ленивка! – срывающимся голосом отозвался Гвоздарь. – Я здесь! Внизу! Провалился! Он задрыгал ногами от радости, и поверхность нефти заколыхалась.

Вверху блеснул неяркий зеленый свет светодиодной пасты. Показалось лицо Ленивки с намазанным пастой лбом.

– Проклятье. По полной облажался, Гвоздарь?

– Ага. Облажался по полной, – устало улыбнувшись, ответил он.

– Меня за тобой Пима послала.

– Скажи, что нужна веревка.

Долгая пауза.

– Бапи на это не пойдет.

– Почему?

Снова долгая пауза.

– Ему нужна медь. Он послал меня за медью. До того, как начнется ураган.

– Просто брось мне веревку.

– Когда норму сделаю.

Ее лицо исчезло.

– Пима сказала, что все даст, если я тебя найду. Если тебе нужна помощь.

Гвоздарь скривился.

– Нигде лестницы не видишь?

Снова долгая пауза, пока они оба вглядывались в темноту в тусклом свете краски с ее лба. Ничего. Ни лестниц, ни дверей. Просто помещение с ржавыми стенами, залитое черной жижей.

– Что там с тобой? – спросила Ленивка. – Что-то сломал?

Гвоздарь затряс головой, прежде чем понял, что она едва видит его.

– Я плаваю в нефти. Ты скажи Бапи, что я тут по горло в нефти. Тысячи галлонов. Она вся его, пусть только меня отсюда вытащит. Много нефти.

Снова пауза.

– Да ну? Много?

Гвоздарь вздрогнул, уловив в голосе хитрой Ленивки холодный расчет, происходящий сейчас в ее голове.

– Ты же не думаешь, что у тебя все получится, как у Лаки Страйка? – окликнул он ее.

– У Лаки Страйка получилось, – ответила она.

– Мы команда, – сказал Гвоздарь, стараясь не выдать страха. – Скажи Пиме, что здесь нефть. По секрету. Если не скажешь, буду являться тебе по ночам и кишки выпущу.

Молчание. Ленивка задумалась.

Гвоздаря внезапно охватила ненависть. Худощая голодная девка, сидящая там, наверху, сейчас имеет над ним полную власть. Помочь или погубить. Сказать Бапи, что от спасения Гвоздаря будет хоть какой-то прок, или промолчать. А она сидит и думает.

– Ленивка? – окликнул он ее.

– Заткнись. Я думаю, – отозвалась она.

– Мы команда, – напомнил он ей. – Мы поклялись на крови.

Но понял, что сейчас она все подсчитывает. Все плюсы и минусы, все подводные камни. Богатство, огромной лужей разлившееся внизу. Тайный клад, который она может использовать позже, если Норны и Ржавый Святой смилоствятся к ней. Ему хотелось заорать, схватить ее за ворот и стащить вниз. Показать, что это значит – сдохнуть, захлебнувшись нефтью.

Но орать на нее не надо. Чтобы не разозлить. Она ему нужна. Нужно убедить ее, что ей выгодно спасти его.

– Мы можем хранить это в тайне, – предложил он. – Сорвем куш, как Лаки Страйк, вместе.

Снова пауза.

– Ты сказал, что ты в ней плаваешь. Как только тебя увидят, сразу поймут, что ты нашел нефтяной карман.

Гвоздарь скривился. Уж слишком она сообразительная. В этом и проблема с такими девчонками, как Ленивка. Слишком сообразительные, чтобы помогать другим просто так.

– Мы команда, – снова сказал он, понимая, что это бесполезно. Он слишком хорошо ее знал. Слишком хорошо знал каждого. Все они голодали, все они болтали, что будут делать, если им повезет, как Лаки Страйку. Ленивке повезло. Такое случается нечасто. Она должна была сделать свою ставку. Если уж ей представился шанс.

Пожалуйста, взмолился он. *Пожалуйста, пусть она будет доброй, как Пима. Как Пима и ее мама. Пусть она не будет такой, как папа. Норны, пожалуйста, пусть она не окажется такой, как папа.*

Его тихие мольбы прервал голос Ленивки.

– Пима сказала, чтобы я принесла тебе необходимое. Если найду тебя.

– Ты нашла меня.

– Ага. Это уж точно.

Шорох.

– Вот еда и вода.

В зеленом свете пасты с ее лба что-то мелькнуло. С плеском упало в нефть. Гвоздарь едва разглядел серые предметы, которые сразу же начали тонуть. Вытянул руку, не отпуская другой трубы. Ухитрился схватить бутылку с водой, прежде чем она утонула. Остальное не успел. Вокруг него снова сомкнулась тьма. Ленивка исчезла из виду.

– И на том спасибо! – крикнул он, но она не ответила.

Он понятия не имел, что Ленивка скажет Пиме. Вообще, поспешит ли она за помощью или просто примется вытаскивать куски кабеля, решив, что это удобный случай занять его место, и обдумывая, как самолично воспользоваться найденной нефтью. Уж Бапи она точно ничего не скажет. Ведь тот объявит нефть находкой всей своей команды и присвоит.

Держа скользкими пальцами бутылку, Гвоздарь зубами открыл пробку, вцепившись другой рукой в трубу. Набрал в рот воды, прополоскал и выплюнул, стараясь очистить рот от нефти и масла. Принялся пить, быстро, едва не захлебываясь. С благодарностью. Пока вода не попала ему в рот, он не осознавал, насколько хочет пить. С жадностью допил остатки и кинул пустую бутылку на поверхность нефти. Она будет плавать. Единственное, что останется от него на поверхности, если он здесь умрет.

Где-то наверху послышались звуки, царапание и треск.

– Ленивка?

Звук прекратился, потом возобновился.

– Давай же, Ленивка. Помоги мне выбраться.

Странно, что он вообще это сказал. Она уже приняла решение. С ее точки зрения, он уже труп. Гвоздарь прислушался. Она отдирала оставшийся медный кабель. Пальцы слабели. Нефть подбиралась к подбородку. Норны, как я устал. Интересно, Малыша Джексона его команда предала точно так же? Если так, то понятно, почему паршивца нашли только спустя год. Может, кто-то намеренно оставил его умирать.

Ты не умрешь.

Он лгал себе. Он скоро утонет. Лестницы нет. И двери...

Внезапно сердце Гвоздаря заколотилось.

Если это какое-то помещение, заполнившееся нефтью случайно, значит, в нем должны быть двери. Но они все внизу, под поверхностью. Придется нырять и искать их, с риском не вынырнуть обратно. Опасно.

Ты по-любому утонешь. Ленивка не станет тебя спасать.

Вот в чем правда. Он сможет провисеть еще недолго, но будет слабеть, и в какой-то момент пальцы не удержат его.

Ты и так мертвец.

Странно, но от этой мысли он почувствовал себя свободным. В самом деле, терять ему уже нечего.

Гвоздарь начал медленно сползать вниз, вытянув ноги и пытаясь нащупать пальцами на стене выступ или планку, что значило бы, что под ним дверь. С первого раза ничего не нащупал. На второй, опустившись пониже, по самый подбородок, нащупал что-то. Задрал нос вверх и опустился еще ниже, так, что нефть коснулась щек, едва не заливая рот и нос.

Планка. Металлическая.

Гвоздарь провел по ней пальцами ног. Судя по всему, верх дверного проема. Шириной в метр, не больше. Хороший выступ, на него можно опереться ногами, дав отдых дрожащим от напряжения пальцам. Сейчас эта планка для него была как дворец.

Теперь сможешь отдохнуть, сказал он себе. Подождать Пиму. Ленивка скажет ей, что ты здесь. Сможешь дождаться помощи.

Он отбросил эту мысль. Пима, может, и стала бы его спасать, но Ленивка, скорее всего, вообще ничего ей не скажет. Полагаться можно только на себя. Гвоздарь колебался. Стоя на планке и не решаясь сделать выбор.

Живи или умри, подумал он. Живи или умри.

И нырнул.

4

В некотором роде черная нефтяная жижа была ничем не хуже, чем чернота над ее поверхностью. Гвоздарь принялся щупать стену руками. Опустился вдоль края двери глубже, внимательно ее ошупывая.

Коснулся пальцами штурвальной рукоятки.

Сердце наполнила надежда. Штурвальными замками заdraивали двери на кораблях, если корпус дал течь. Прочные двери – водонепроницаемые. Он дернул колесо, пытаясь вспомнить, в какую сторону его надо вертеть. Но оно не сдвинулось. Преодолевая страх, дернул снова. Ничего. Не сдвинешь. И дыхание перевести надо.

Гвоздарь оттолкнулся от колеса, чтобы побыстрее вынырнуть. Выскочил на поверхность, размахивая руками. Вцепился пальцами в тонкую трубу, чудом ухватившись, прежде чем уйти на дно. Лихорадочно вытер лицо и продул нос, не открывая глаз. Резко выдохнул через рот, чтобы сдуть с губ нефть. Судорожно вдохнул воздух, наполненный нефтяными испарениями.

Не открывая глаз, снова нащупал пальцами ног дверной проем. Мгновение ему казалось, что он его уже не найдет, но пальцы снова коснулись ржавого металла, и он снова смог встать. Улыбнулся. Дверь со штурвальным замком. Шанс. Если только он сможет провернуть эту штуковину.

Снова шуршание и скрежет наверху. Ленивка все еще за работой.

– Эй, Ленивка! – окликнул ее Гвоздарь. – Я нашел выход. И приду за тобой, девочка.

Движение прекратилось.

– Ты меня слышишь?

Его голос отдался эхом.

– Я выбираюсь! И я приду за тобой.

– Да ну? – ответила Ленивка. – Хочешь, чтобы я пошла за Пимой?

В ее голосе была насмешка. Гвоздарю снова захотелось схватить ее и ткнуть лицом в нефть. Но он решил разговаривать с ней спокойно.

– Если ты сейчас же пойдешь за Пимой, я забуду, что ты хотела оставить меня здесь тонуть.

Долгая пауза.

– Уже поздно, так ведь? – наконец сказала Ленивка. – Я-то тебя знаю, Гвоздарь. Ты все равно Пиме скажешь, меня выгонят из команды и возьмут другого.

Снова пауза.

– Теперь все в руках Норн. Если ты выберешься, увидимся снаружи. Тогда и отомстишь.

Гвоздарь скривился. Стоит попытаться. Он подумал о двери внизу. Может, она закрыта снаружи. Может, поэтому штурвал не крутится. Может...

Если она закрыта, ты мертвец. Никакой разницы. Нет смысла думать об этом.

Сделав глубокий вдох, он снова нырнул.

На этот раз, имея больше времени и зная, что надо делать, он быстро нащупал штурвал замка и принялся за дело. Уперся ногами в проем люка, нащупал ручку замка с защелкой. Сначала надо раздраить дверь, а потом дернуть ручку. Он снова попытался провернуть штурвал. Ничего. Навалился на него, упираясь ногами в проем, стараясь удержать его и провернуть.

Ничего.

Сунул руку внутрь штурвала. Воздух на исходе, но он не собирался сдаваться. Потянул. Снова потянул, сильнее, спица штурвала впилась в локтевой сгиб. Легкие начало жечь.

Штурвал повернулся.

Гвоздарь удвоил усилия. Перед глазами замелькали желтые, синие и красные звездочки. Штурвал провернулся еще уже легче. Ужасно хотелось вынырнуть, но он не сделал этого, подавив желание оттолкнуться ногами. Крутил штурвал, все быстрее и быстрее, пока легкие не выпустили воздух сами, произвольно. Оттолкнувшись ногами, он вынырнул, сходя с ума от забрезжившего луча надежды.

Принялся глубоко дышать в полной темноте.

Нырнул.

Крутил штурвал, крутил, крутил, легкие жгло... все или ничего, выберется или нет. Гвоздарь дернул ручку. На мгновение перепугался. Что, если дверь открывается внутрь? Тогда давление нефти не даст ему открыть ее ни за что...

Дверь распахнулась.

Гвоздаря понесло течением черной жидкости. Ударило о стену. Он сжался в комок, и его понесло дальше, кувырком. Поток нефти шумел, обтекая его. Он ударился лбом о металл, едва не вдохнул от боли, но усилием воли заставил себя этого не делать. Сжался еще плотнее, давая потоку нефти нести себя по коридорам корабля, ударяя о стены и углы, как медузу, выброшенную прибоем на рифы.

Его вынесло наружу.

Живот схватило. Он падал. Невольно открыл глаза. Их обожгло ярким солнцем и едкой нефтью. Зеркальная гладь океана, кажущаяся почти белой от яркого солнца. Синие волны. У него была всего секунда, чтобы развернуться...

Он ударился о воду. Соленое море поглотило его. Покрытое волнами и пленкой нефти. Загрохотал прибор. Гвоздарь дернулся вверх, к поверхности, болтая ногами. Вынырнул, среди волн и солнечного света, судорожно хватая ртом воздух. Наполнил легкие кислородом, таким чистым и сверкающим после нефтяных испарений. Так хотелось жить, едва не умерев.

Наверху из рваной раны в борту танкера лилась нефть. Оттуда, откуда танкер изрыгнул его, сюда, на свободу. Черные струи сырой нефти стекали по обшивке корабля блестящими

завитками. Упасть с пятнадцати метров на небольшую глубину и остаться в живых. Гвоздарь начал хохотать.

– Я жив! – заорал он. Это был страшный крик, в котором была радость победы, ужас пережитого, опьянение от солнечного света и морских волн. Стоящие на берегу в изумлении глядели на него.

Он поплыл к берегу, смеясь, пьяный оттого, что выжил. Волны сами несли его. И тут он понял, что ему повезло дважды. Если бы не прилив, он бы упал не в воду, а на песок.

Гвоздарь выполз из полосы прибоя, встал. Ноги дрожали после долгих заплывов в нефти и в море, но он стоял на суше, живой. Безумно смеялся, глядя на Бапи, Ли, Рэйна и сотни других рабочих, ошеломленно уставившихся на него.

– Я жив! – крикнул он им. – Я жив!

Они ничего не ответили, лишь продолжая смотреть на него.

Гвоздарь хотел снова закричать, но что-то в их взглядах заставило его опустить глаза вниз.

Пенные волны омывали его лодыжки. На них плавали ржавчина и пластиковая изоляция от проводов. И краснела его кровь. Которая ровными струями стекала по ногам, ярко-красная, окрашивая воду с каждым ударом его сердца.

5

– Везучий ты, – сказала мать Пимы. – Мог бы и не выжить.

Гвоздарь слишком устал, чтобы ответить, но попытался улыбнуться.

– Но ведь выжил.

Мать Пимы взяла в руку ржавый нож и поднесла к его лицу.

– Если бы это вошло в тебя еще на дюйм, то на берег бы вынесло мертвое тело, – абсолютно серьезно сказала Садна. – Ты везучий. Норны сегодня держали тебя на волосок от смерти. Иначе у нас был бы еще один Малыш Джексон.

Она протянула ему ржавый нож.

– Храни это, как талисман. Он хотел забрать твою жизнь. Метил тебе в легкое.

Гвоздарь протянул руку и дернулся, когда натянулись швы на ранах.

– Понял? – сказала она. – Сегодня на тебе благословение. Норны благоволят тебе.

Гвоздарь тряхнул головой:

– Я не верю в Норн.

Но сказал это тихо, так, чтобы она не услышала. Если Норны существуют, то именно они связали его с его отцом, а это значит, что они хорошего не делают. Лучше думать, что все в жизни случайно, чем полагать, что мир готов пожрать тебя. У Пимы с Норнами все в порядке, ей повезло, у нее хорошая мама, да и отец сделал любезность, умерев раньше, чем начал бить. А все остальное? Стоит только оглядеться.

Мать Пимы оглядела его темно-кариими глазами.

– Тогда возблагодари тех богов, которым поклоняешься. Мне без разницы, что Ганеша с головой слона, что Иисус Христос, что Ржавый Святой или дух твоей умершей матери. Кто-то определенно о тебе заботится. Не пренебрегай этим.

Гвоздарь послушно кивнул. Мама Пимы была лучшим человеком, кого он встречал в жизни. Он не станет ее злить. Ее хижина из синтетического брезента, старых досок и пальмовых стволов – самое безопасное место из всех, что он знает. Здесь он всегда мог рассчитывать на то, что с ним поделятся пойманными лангустами или рисом, и даже тогда, когда поесть было нечего, в этих стенах он чувствовал себя спокойно, глядя на голубой Глаз Норн и пеструю статуэтку Ржавого Святого. Здесь никто не попытается тебя избить, зарезать или обворовать. Сила, исходящая от Садны, заставляла уйти страх и напряжение.

Гвоздарь осторожно пошевелился, прислушиваясь к ощущениям в промытых и зашитых ранах.

– Здорово, Садна. Спасибо, что меня заштопала.

– Надеюсь, с этого будет польза, – ответила она, не подымая глаз. Она мыла в ведре с водой ножи из нержавеющей стали, и вода уже покраснела. – Ты молодой, ни на чем не сидишь. Да и, честно сказать, если ты в отца, то тебе досталась живучесть Лопесов. Шанс у тебя есть.

– Думаешь, есть заражение?

Мать Пимы пожала плечами, и под кожей веревками заходили мышцы. Ее черная кожа блестела в свете свечи. Сегодня она бросила работу со своей командой только для того, чтобы позаботиться о нем. Не выполнила норму, и все из-за Пимы, которая побежала за ней сразу, как узнала, что парень из ее команды валяется на мелководе, а не лазает внутри корабля.

– Не знаю, Гвоздарь, – сказала она. – У тебя куча ран. Кожа должна защищать нас от инфекций, но ты упал в грязную воду, пораненный, а до этого плавал в нефти.

Она покачала головой.

– Я же не врач.

– Не нужен мне врач, – решил перевести все в шутку Гвоздарь. – Иголки и нитки достаточно. Заштопай меня, как парус, и я буду как новенький.

Она не улыбнулась в ответ.

– Следи, чтобы раны были чистыми. Если почувствуешь, что лихорадит или раны начнут гноиться, сразу иди ко мне. Посадим опарышей и посмотрим, поможет ли.

Гвоздарь скривился, но кивнул, видя, что она смотрит на него непреклонно. Торопливо сел, поставил ноги на пол, глядя, как Садна выходит наружу, вынося ведро с водой и смывой кровью. Она вернулась. Встав, он осторожно пошел к выходу. Откинул полог из синтетического брезента и поглядел на берег.

Несмотря на ночь, разбитые корабли были усеяны огнями. Люди работали при свете факелов, продолжая разбирать их. Корабли стояли на берегу огромными черными тенями на фоне ярких звезд и полосы Млечного Пути. Мигали огни факелов, покачиваясь и перемещаясь. Над водой разносился грохот кувалд. Такой знакомый, успокаивающий звук людей за работой, привычный запах угля от плавлен, смешивающийся с запахом морской соли. Красота.

Он не понимал этого, пока едва не умер сегодня. Сейчас Брайт Сэндз Бич был лучшим местом в мире. Он не мог наглядеться на него, улыбаясь людям, ходящим по песку, сидящим у костров и жарящим тилапий, пойманных на мелководе, слушая музыку и крики пьяных, доносящиеся от домиков гуляющих девиц. Все казалось просто прекрасным.

Почти так же, как зрелище Ленивки, которую пинками гоняли по пляжу, пока его штопали. Она плакала, но не от раскаяния, а от жалости к себе. Бапи собственным ножом резанул ей по щекам, по татуировкам, означавшим принадлежность к команде. Она уже никогда не сможет работать на сломе кораблей. Да и в другом месте – вряд ли. Нарушив клятву на крови, она сама показала, что ей нельзя доверять.

Гвоздарь удивился тому, что Ленивка даже не пыталась протестовать. Он не собирался ее прощать, но проникся к ней уважением, когда она не стала извиняться и умолять о пощаде, когда Бапи достал нож. Все понимали, что произошло. Что сделано – то сделано. Она сделала ставку в игре и проиграла. Такова жизнь. Ты можешь взлететь, как Лаки Страйк, а можешь упасть, как Ленивка. Можешь умереть, как Малыш Джексон, или выжить, как Гвоздарь, если тебе повезет. Это две стороны одной монеты, которую ты каждый день подбрасываешь в воздух и которая падает на игральный стол жизни. Ты либо живешь, либо умираешь.

– Это Норны, – тихо сказала мать Пимы. – Теперь ты в их руках. Никто не знает, что будет с тобой дальше.

Она поглядела на него почти что с печалью. Гвоздарь хотел было спросить, что она имела в виду, но тут к двери подбежала Пима вместе с остальными ребятами из команды.

– Эге-гей! – воскликнула она. – Гляньте на нашего парня!

Она осмотрела складки кожи на зашитых ранах.

– У тебя после этого останутся классные шрамы, Гвоздарь.

– Шрамы удачи, – сказала Девочка-Луна. – Это даже лучше татуировки с лицом Ржавого Святого.

Она протянула ему бутылку.

– Что это? – спросил Гвоздарь.

– Подарок, на удачу. Сегодня ты был в руках богов, пусть этот подарок даст и мне быть поближе к ним.

Улыбнувшись, Гвоздарь отхлебнул из бутылки и удивился качеству выпивки, приятно обжегшей рот.

– Это «Блэк Лин», – со смехом сказала Пима. Наклонилась поближе. – Тик-ток стырил. Просто втихую вытащил из закусочной Ченя, паршивец. Ума нет, но руки ловкие.

Она потянула его в сторону берега.

– Мы там костер развели. Пойдем, напьемся.

– А как потом работать завтра?

– Бапи сказал, что завтра ураган начнется, без вариантов, – ухмыльнувшись, ответила Пима. – А чистить кабель от изоляции можно и с похмелья.

Команда собралась вокруг костра, и они начали пить, передавая друг другу бутылку. Пима ушла и скоро вернулась с горшком, в котором были вареный рис и бобы. Снова удивила Гвоздаря, дав ему поджаренного на вертеле голубя.

– Другим тоже хочется быть поближе к богам и Норнам, – ответила она, увидев его удивленный взгляд. – Люди видели, как тебя вынесло из корабля. Так еще никому не везло.

Он не стал расспрашивать ее дальше и начал жадно есть. Хорошо остаться в живых и покушать нормально.

Они пили, передавая из рук в руки ржавый нож, который едва не убил его. Рассуждали о том, что ему надо сделать из него талисман, носить на шее на веревке. Выпивка согрела и расслабила его, мир вокруг казался даже лучше, чем до этого. Он жив. Все тело пело, радуясь жизни. Даже боль в спине и плече, там, где нож вонзился в него, была приятной. Он побывал на грани жизни и смерти, и теперь жизнь сверкала для него всеми красками. Он пошевелил плечом, наслаждаясь ощущением боли.

Пима разглядывала его в свете костра.

– Думаешь, сможешь завтра работать?

– Всего-то, провода чистить, – кивнув, ответил Гвоздарь.

– А кто будет лазать по тоннелям? – спросила Девочка-Луна.

Пима скривилась:

– Я думала, этим будет заниматься Ленивка. Придется принять кого-то на ее место. Связать нас кровной клятвой с кем-то еще.

– Ага, это сильно помогает, – пробормотал Тик-ток.

– Ну да, некоторые люди все-таки держат слово.

Они поглядели на пляж, туда, куда выгнали Ленивку. Скоро она начнет голодать, ей потребуется, чтобы ее кто-то защищал. Кто-то, кто поделится с ней добычей, прикроет ее, когда она не сможет работать. На берегу сложно выжить без команды.

Гвоздарь поглядел на костры, раздумывая о сущности везения. Одно поспешное решение Ленивки, и все ее будущее оказалось предрешено. Ей мало что остается делать теперь. И все варианты мерзкие. Кровь, боль, отчаяние. Он отхлебнул из бутылки, задумавшись, сможет ли он пожалеть ее, несмотря на то что она сделала.

– Можем взять Тилу, – предложил Жемчужный. – Она миниатюрная.

– У нее нога изуродованная, – сказала Девочка-Луна. – Сможет ли она лазать по тоннелям быстро?

– Для нашей команды – пойдет.

– Решу позднее, – сказала Пима. – Может, Гвоздарь быстро поправится, и нам не надо будет искать замену на работу в тоннелях.

Гвоздарь кисло улыбнулся:

– Или Бапи резанет и меня, выгоняя, и продаст мое место. Тогда особо выбирать не придется.

– Через мой труп.

Все промолчали. Слишком хорошая ночь, чтобы портить ее плохими раздумьями. Бапи сделает все, что захочет, но сегодня лучше не вспоминать об этом.

Пима уловила их сомнения.

– Я уже говорила с Бапи, – сказала она. – Гвоздарь пару дней отдохнет. За счет нормы самого босса. Даже Бапи хочет быть поближе к такой удаче.

– Он не разозлился, что я потерял эту нефть и она досталась другим командам?

– Ну, это его не обрадовало, но весь собранный тобой кабель вынесло потоком. Этим он доволен. У тебя будет время выздороветь, Ржавый Святой тому свидетель.

Звучит достаточно хорошо, чтобы даже поверить. Гвоздарь еще раз отпил. Он часто видел, как обещания взрослых оставались лишь обещаниями, и не собирался полагаться на них. Ему нужно начать работать завтра же, чтобы было видно, что от него есть польза. Осторожно подвигал плечом. Хорошо бы, чтобы оно поскорее зажило. Пара дней на зачистке проводов – нормально, чтобы отдохнуть. Опять же, удача, что надвигается этот ураган.

С другой стороны, если бы не надвигающийся ураган, он бы не полез в тоннель по второму разу.

Гвоздарь сделал еще глоток, глядя на берег. Ночью не видно нефтяных разводов на воде. Только серебристая лунная дорожка. И волшебные огни вдалеке, красные и зеленые. Ходовые огни клиперов, пересекающих Залив.

Корабли безмолвно скользили у горизонта так быстро, что их огни исчезли в считанные минуты, из-за кривизны земной поверхности. Гвоздарь попытался представить себя стоящим на палубе одного из этих кораблей, там, далеко от этого берега и команды мусорщиков. Плывающим на корабле, свободным и беззаботным.

– Мечтаешь среди дня? – спросила Пима, забирая у него бутылку.

– Среди ночи, – ответил Гвоздарь, кивая в сторону огней. – Никогда на таких не плавала?

– На клиперах? – переспросила Пима и покачала головой. – Как же. Видела один у причала. Толпа охранников-полулюдей. Чтобы береговая мразь и близко не подплывала.

Она скривилась.

– Эти собакорылые электричество по воде пустили.

Тик-ток засмеялся.

– Как же, помню. Я подплыл, и меня всего трясти начало.

Пима нахмурилась.

– И нам тебя вытаскивать пришлось, как дохлую рыбу. Нас самих тоже шарахнуло.

– Ничего бы со мной не случилось.

Девочка-Луна фыркнула:

– Собакорылые тебя бы живьем сожрали. Для них это нормально. Они мясо сырым едят. Чудовища, зубами рвут. Если бы мы тебя оставили, они бы тебя сожрали, а ребрами твоими в зубах бы ковырялись.

– Забей. Тот получеловек, что охранником у Лаки Страйка... как его зовут?

Тик-ток умолк на мгновение, пытаясь вспомнить.

– Ладно, видел я его. Зубищи огромные, да, но людей он не ест.

– Откуда тебе знать? Те, кого он съел, уже не расскажут.

– Козы, – сказала Пима. – Получеловек ест коз. Когда он только здесь появился, за работу в команде по тяжелым грузам ему платили козами. Мама рассказывала, что он одну козу за три дня съедал, целиком.

Она скривилась.

– Девочка-Луна права. Не стоит связываться с этими чудовищами. Не угадаешь, когда звериная натура возобладает и оно решит откусить тебе руку.

Гвоздарь продолжал глядеть на исчезающие вдаль огни.

– Никогда даже не задумывалась, как это – идти по морю на клипере? На одном из таких?

– Нет, – качая головой, ответила Пима. – Наверное, очень быстро это.

– Чертовски быстро, – сказала Девочка-Луна.

– Идеально быстро, – добавил Жемчужный.

Они поглядели вдаль с вождением.

– Думаешь, они знают, что здесь кто-то есть? – спросила Девочка-Луна.

– Для таких людей мы просто мухи помойные, – сплюнув на песок, ответила Пима.

Огни двигались. Гвоздарь попытался представить себе, как это – стоять на палубе клипера, несущегося над волнами, окатываемого тучами брызг и пены. Не один вечер он провёл, глядя на картинки с идущими под парусами клиперами, картинки, которые он украл из хижины, где у Бапи была его контора. Бапи хранил журналы в ящике стола. Гвоздарь часами глядел на обтекаемые, хищные силуэты, паруса, подводные крылья. Совершенство техники, столь далекое от ржавых развалин, на которых ему приходилось ежедневно работать. Глядел на красивых, улыбающихся людей, стоящих на палубе и пьющих дорогие напитки.

Корабли манили. Скорость, солёный воздух, безбрежный горизонт. Иногда Гвоздарю хотелось просто шагнуть на эти страницы, сбегать отсюда, взойдя на клипер. Уйти, хотя бы мысленно, от ежедневной изнурительной работы разрушителя кораблей. Иногда он принимался рвать картинки на куски, ненавидя их за то, что они заставили его желать того, чего у него никогда не будет, о чем он никогда и не знал бы, не видя этих парусов.

Ветер сменился. По берегу понесло черные клубы дыма от плавлен, их обволокло копотью и пеплом.

Все закашлялись, давясь. Ветер сменился снова, дым унесло, но Гвоздарь все кашлял. Надыхался испарениями нефти, подумал он. В груди и легких все еще чувствовалась тяжесть, во рту появился привкус нефти.

Когда он перестал кашлять, клиперы уже исчезли с горизонта. А ветер снова нес дым.

Гвоздарь с горечью улыбнулся, вдыхая кислый запах. Вот к чему приводят все эти мысли о клиперах. Нахватаешься едкого дыма, не уследив, что происходит вокруг. Отпил глоток из бутылки и передал ее Жемчужному.

– Спасибо за подарок на удачу, – сказал он. – Я и не знал, что «Блэк Лин» такой чертовски классный.

– Чертовски классная выпивка для чертовски везучего паршивца, – с улыбкой сказала Девочка-Луна.

– Да уж, везучего, – согласилась Пима. – Самого везучего из всех, кого я знала.

Поглядела на другие подарки на удачу, скопившиеся за вечер. Еще один жаренный на вертеле голубь, которого Гвоздарь отдал товарищам. Коробка со скатанными вручную сигаретами. Бутылка дешевого пойла фабрики Джима Томпсона. Массивное серебристое кольцо в ухо, с большой дыркой. Раковина, отполированная прибором и песком. Мешок риса, в полкилограмма.

– Удачливее Лаки Страйка? – подколот Гвоздарь.

– Нет, раз уж ты потерял всю эту нефть, – ответила Девочка-Луна. – Будь ты Лаки Страйк, ты бы нашел способ стащить ее, а не вылить в море. Был бы большим человеком, купил бы здесь все.

Остальные согласно закивали, но Пима не шелохнулась. Чернокожая, сейчас она была похожа на тень.

– Таких везучих не бывает, – с горечью сказала она. – Все мечтают повернуть дело, как Лаки Страйк, и вот чем это обернулось для Ленивки.

– Ну, что ж, все равно я думаю, сегодня мне повезло, – пожав плечами, ответил Гвоздарь.

– Тебе не просто повезло, – скорчив мину, сказала Пима. – Ты вел себя умно. Лаки Страйк тоже вел себя умно. Половина команд из тех, что здесь есть, находили нефть, медь, толком не знали, что с ними потом делать. Каждый раз все загребали боссы, а их выгоняли с кораблей. Блин.

Она отхлебнула из бутылки, вытерла губы рукой и передала бутылку Девочке-Луне. Та отпила и закашлялась.

– Тут нужна не удача, – сказала Пима. – Тут нужна сообразительность.

– Удача или сообразительность, мне плевать, по крайней мере, я жив.

– Хвала тебе. Мы все с ума сходим при мысли, что нам может повезти, как Лаки Страйку. Теряем головы. Тратим все деньги, бросая кости, пытаюсь ухватить Удачу, пытаюсь выиграть по-крупному. Молимся Ржавому Святому, чтобы он помог нам найти что-нибудь крутое и чтобы мы смогли оставить это себе. Черт, даже моя мама подносит хорошую порцию риса на веса Бога-Мусорщика, чтобы призвать удачу. Но всех нас ждет такой же конец, как и Ленивку.

Пима кивнула в сторону берега, где начали разжигать костры мужики из команд по тяжелым грузам. Ветреные девочки вертелись вокруг них, смеясь и поддразнивая их, обнимая тонкими руками за талию, разводя их на деньги и выпивку.

– Теперь Ленивка там. Видела ее. Мечты об удаче не дали ей ничего, кроме позорных шрамов поверх рабочих татуировок и хреновой компании.

Гвоздарь оглядел костры.

– Думаешь, она станет мне мстить?

– Наверняка, – ответила Пима. – Теперь ей нечего терять.

Она кивнула на подарки на удачу, которые принесли Гвоздарю.

– Хорошо бы тебе спрятать все это получше. Она наверняка попытается украсть их. Может, найдет какого-нибудь хорошенького дядю, который возьмет ее под опеку. Больше никто не станет с ней связываться. В харчевни ее на работу не возьмут потому, что ни один разрушитель кораблей не станет что-то покупать у человека с порезанными татуировками. Клань плавильщиков тоже не примут к себе клятвopеступника. У такого лжеца, как она, остается мало вариантов.

– Она может продать почку, – сказала Девочка-Луна. – Или пару пинт крови Сборщикам. Они всегда готовы купить.

– Точно. У нее такие красивые глаза, – сказал Жемчужный. – Сборщики и их возьмут, сразу же.

Пима пожала плечами:

– Сборщики могут нарезать ее на куски, как свиную тушу, но рано или поздно лишних частей не останется. Что тогда?

– Культ Жизни, – предположил Гвоздарь. – Купят у нее яйцеклетки.

– Только этого не хватало, – скривившись, сказала Девочка-Луна. – Толпа полулюдей, и каждый похож на Ленивку.

– Для нее собачья ДНК – шаг вперед, – сказал Жемчужный. – По крайней мере, собаки не предают.

Они мрачно рассмеялись. Начали шутить, рассуждая, какие животные улучшили бы генетику Ленивки. Петухи рано просыпаются, лангусты – хорошая еда, змеи идеальны для работы в тоннелях, вот только рук у них нет, хотя это плюс, они не могут ножом в спину ударить. Любое животное в их рассуждениях выглядело лучше, чем то создание, которое предало их. Ломать корабли, не доверяя товарищу по команде, – слишком опасное занятие.

– Ленивка уже в тупике, – сказала наконец Пима, – но все мы столкнемся с такой же проблемой. Может, не в этом году, так в следующем.

Она пожала плечами.

– Мама старается хорошо кормить меня, чтобы я смогла побороться за место в команде по тяжелым грузам.

Она поглядела на берег, на мужиков из команд, и задумалась.

– Не думаю, что у меня получится. Я слишком большая для команды по легким грузам, и слишком маленькая – для тяжелой команды. И что тогда? Часто ли кланы принимают к себе чужих детей?

– Чушь, – сказал Жемчужный. – Тебе не надо уходить из команды по легким грузам. Ты собираешь больше, чем кто угодно другой. Ты можешь с легкостью сделать всю работу вместо Бапи, передохнуть немного и сделать двойную норму.

Он щелкнул пальцами.

– Вот и все. Ты можешь занять место Бапи, без проблем.

Пима улыбнулась:

– На его место длинная очередь претендентов, и я не среди первых. Надо внести огромный взнос, а ни у кого из нас нет столько денег.

– Это глупо, – сказал Жемчужный. – Из тебя вышел бы босс куда лучше, чем он.

– Ага, – скривившись, ответила Пима. – Вот тут и наступает черед удачи.

Она оглядела их совершенно серьезно.

– Запомните это все. Если ты просто умен или просто удачлив, это не стоит и ярда медяхи. Надо иметь и то и другое, иначе кончишь дни, как Ленивка сейчас у тех костров, умоляя кого-нибудь, чтобы тебя подобрали.

Отпив еще глоток из бутылки, она отдала ее соседу и встала.

– Пойду посплю, – сказала она и пошла по берегу. – Увидимся завтра, счастливчик, – добавила она, оборачиваясь к Гвоздарю. – Не опаздывай. Бапи тебя точно выгонит, если ты не придешь на работу и не попотеешь вместе со всеми.

Они проводили ее взглядами. Палка в костре треснула, разбрасывая искры. Девочка-Луна быстро сунула руку в костер, придвигая палку к углям.

– Ей ни за что не попасть в команду по тяжелым грузам, – сказала она. – Как и всем нам.

– Хочешь испортить вечер? – спросил ее Жемчужный.

Проколотое пирсингом лицо Девочки-Луны блестело в свете костра.

– Просто говорю то, что все мы и так знаем. Пима вдесятеро лучше Бапи, но это не играет роли. Еще год, и у нее будут такие же проблемы, как у Ленивки. Либо удача, либо ничего.

Она взялась рукой за голубой стеклянный амулет Норн, висевший у нее на шее.

– Мы целуем этот глаз, надеясь, что все повернется к лучшему, но все мы облагаемся точно так же, как Ленивка.

– Нет, – качая головой, возразил Тик-ток. – Разница в том, что она это заслужила, а Пима – нет.

– Тут не играет роли, кто что заслужил, – ответила Девочка-Луна. – Если бы люди получали по заслугам, мать Гвоздаря была бы жива, мать Пимы владела бы фирмой «Лоусон энд Карлсон», а я бы ела шесть раз в день.

Она плюнула в огонь.

– Ты не заслуживаешь ничего. Может, Ленивка и клятвопреступница, но она, по крайней мере, понимала, что нельзя что-то заслужить. Надо просто взять это.

– Не согласен, – качая головой, сказал Жемчужный. – Что делать, если не соблюдать обещания? Тогда ты никто. Меньше, чем никто.

– Ты не видел той нефти, Жемчужный, – возразил Гвоздарь. – Лаки Страйку и не снилось столько. Мы все можем делать вид, что мы не такие, как Ленивка, но ты никогда в жизни столько нефти не видел и не увидишь. Такое любого превратит в клятвопреступника.

– Не меня, – резко ответил Жемчужный.

– Хорошо. Никого из нас. Но тебя там не было.

– И не Пиму, – сказал Тик-ток. – Никогда.

На этом спор закончился. Они могли сколько угодно врать друг другу, но тут Тик-ток был прав. Пима была непоколебима. Она никогда не предаст и не подставит тебя, всегда прикроет. Даже когда ругает тебя, чтобы ты выполнил норму, на самом деле о тебе заботится. Гвоздарю внезапно захотелось отдать ей всю свалившуюся на него удачу. Если кто и заслужил лучшей жизни, так это она.

Подавленные, после того чем закончился их разговор, они начали собирать остатки еды, засыпали песком тлеющие деревяшки и собрались расходиться, кто куда. К родным или другим людям, их приютившим.

Подул ветер, и Гвоздарь развернулся лицом к нему. Ураган будет, это уж точно. Он достаточно времени провел на берегу, чтобы улавливать признаки. Скоро будет. Хороший, мощный ураган. Работы не будет пару дней, не меньше. Может, у него и получится отдохнуть и поправиться.

Он вдохнул обдувавший его свежий соленый воздух. Другие тоже тушили костры. Народ начал суетиться, собирая свои убогие пожитки и убирая их, чтобы спасти от надвигающегося урагана.

На горизонте по ночной глади Залива скользил еще один клипер, с голубыми ходовыми огнями. Глубоко вдохнув, Гвоздарь поглядел на корабль, спешащий в порт, чтобы укрыться от непогоды. В кои-то веки Гвоздарь порадовался тому, что он на берегу.

Развернувшись, побрел к своей хижине. Если ему действительно повезет, то отец еще где-нибудь пьянствует, и ему удастся проскользнуть внутрь незамеченным.

Хижина Гвоздаря стояла на кромке джунглей, среди оплетенных вьющимися кудзу кипарисов, сооруженная из бамбука, пальмовых листьев и листовой жести, подобранной его отцом в разных местах. Каждый лист отец пометил, нацарапав на нем кулак, чтобы никто их не украл, пока их нет дома, днем.

Гвоздарь сложил подарки у входа. Вспомнил те времена, когда эта дверь не таила за собой опасность. До того, как у матери началась лихорадка. До того, как отец начал пить и принимать наркотики. Сейчас же, каждый раз открывая дверь, он играл в лотерею.

Если бы не то, что ему пришлось переодеться в чужую одежду, он бы вообще не стал рисковать и не пришел был. Но другая его одежда была в доме, и, если повезет, он сможет войти, пока отец не вернулся с пьянки. Он тихонечко открыл дверь и сунул руку внутрь. Нашупал банку со светящейся краской и немного мазнул на лоб. Тусклый свет проник внутрь...

Загорелась спичка. Гвоздарь дернулся.

Отец лежал у стены рядом с дверью, глядя на него и сжимая в кулаке бутылку.

– Рад тебя видеть, Гвоздарь.

Ричард Лопес представлял собой тощий комок мышц и энергии. На его руках были вытатуированы драконы, их хвосты обвивали его шею, поднимаясь выше и переплетаясь с выцветшими рабочими татуировками. Гвоздарь замер, пытаясь угадать, в каком настроении отец. Тот подтащил к себе старый стул и взгромоздился на него. В колеблющемся свете лампы тени

плясали по стенам. Ричард Лопес был по уши накачан выпивкой, амфетамином и «кристал слайдом». Его красные глаза внимательно оглядели Гвоздаря, как глаза змеи, готовой сделать бросок.

– Какого хрена с тобой случилось?

Гвоздарь попытался скрыть страх. У отца в руках ничего – ни ножа, ни ремня, ни ивового прута. Его голубые глаза были ясны, как небо, но это было затишье перед бурей.

– Случайно поранился на работе, – ответил Гвоздарь.

– Случайно? Или просто сглупил?

– Нет...

– О девках замечтался? – не унимался отец. – Или вообще ни о чем не думал? Замечтался, как обычно?

Он дернул головой в сторону рваной картинки с клипером, которую Гвоздарь приладил на стену хижины.

– Снова мечтал об этих твоих чудесных кораблях?

Гвоздарь не попался на провокацию. Если бы он возразил, то все обернулось бы только хуже.

– Как ты собираешься дальше зарабатывать, если тебя выгонят из команды? – спросил отец.

– Меня не выгнали, – ответил Гвоздарь. – Завтра на работу пойду.

– Да ну?

Отец с подозрением прищурился. Кивнул на тряпку, на которой висела раненая рука.

– С увечной рукой? Бапи не занимается благотворительностью.

Гвоздарь с трудом подавил желание огрызнуться.

– Я в норме. Ленивку выгнали, так что мне нет замены на работе в тоннелях. Я меньше...

– Меньше, чем дерьма кусок. Ага. Думаешь, тебе это на пользу.

Отец отхлебнул из бутылки.

– Где респиратор?

Гвоздарь замешкался.

– Ну?

– Потерял.

Повисла тишина.

– Потерял, да?

Отец больше ничего не сказал, но Гвоздарь уже чувствовал, что дела пошли плохо. Наркотики и выпивка, вкупе со злобой и безумием, обычно приводили отца к приступам бешенства. Внутри него зрела буря, с огромными волнами, пеной и брызгами, та самая непогода, в которой Гвоздарю приходилось лавировать каждый день, обходя рифы отцовского настроения. Ричард Лопес задумался. И Гвоздарю надо было срочно понять, о чем, иначе ему не уйти отсюда небитым.

Он попытался все объяснить.

– Я провалился сквозь короб и упал в нефтяной карман. Не мог выбраться. Респиратор не давал мне дышать. Его нефтью залило. От него уже толку не было.

– Не говори мне, от чего там толку не было! – рявкнул отец. – Не тебе решать!

– Да, сэр, – осторожно ответил Гвоздарь.

Ричард Лопес постучал бутылкой о стул.

– Думаю, теперь ты хочешь другой. Ты всегда хныкал, что этот пылью забился.

– Нет, сэр.

– «Нет, сэр», – передразнил его отец. – Проклятье, Гвоздарь, умный ты вырос. Всегда говоришь то, что надо.

Он улыбнулся, обнажив торчащие, как пальцы руки, желтые зубы. Но продолжал постукивать бутылкой по стулу. Уж не собирается ли он меня ею ударить, подумал Гвоздарь. Снова стук. Хищные глаза Ричарда Лопеса оглядели его.

– Ты стал чертовски умным ублюдком, – пробормотал он. – Слишком уж умным, как я погляжу. Начал говорить не то, что думаешь. «Да, сэр». «Нет, сэр». «Сэр».

Гвоздарь едва дышал. Теперь он понял, что отец хочет его избить, хочет поймать его и проучить. Глянул на дверь. Даже несмотря на «слайд», шансы того, что отец успеет его поймать, велики. Это закончится кровью, синяками, и он уже не выйдет на работу завтра. А тогда Бапи точно его выгонит.

Гвоздарь выругал себя, что сразу не пошел к Пиме. Снова поглядел на дверь. Если он только...

Ричард уловил его взгляд. Его лицо приобрело ледяное выражение. Он встал и отбросил стул.

– Иди сюда, парень.

– У меня есть подарок, на удачу, – внезапно сказал Гвоздарь. – Хороший. В честь того, что я выбрался из нефти.

Он старался говорить спокойно, сделать вид, что не понимает, что отец собирается его побить. Пытался изобразить невинность. Говорить нормально, так, будто сейчас не будет боли, криков и погони.

– Вот тут, – сказал он.

Иди медленно. Чтобы он не подумал, что ты пытаешься бежать.

– Вот он, тут, – снова сказал Гвоздарь, открывая дверь и протягивая руку. Схватил подарок Девочки-Луны и дал отцу. Бутылка заблестела в свете лампы.

– «Блэк Лин», – сказал Гвоздарь. – Мне его ребята из команды дали. И сказали, чтобы с тобой поделился. Потому что мне повезло, что ты у меня есть.

Он затаил дыхание. Холодный взгляд отца упал на бутылку. Может, отец выпьет. А может, выхватит бутылку и ударит его ею. Что именно, Гвоздарь не знал. Чем меньше отец работал с командой на берегу и больше – с теньвыми воротилами, тем больше наркотики превращали его в комок злобы и гнева.

– Дай-ка глянуть.

Отец забрал бутылку у Гвоздаря и посмотрел, сколько в ней осталось.

– Не слишком-то много оставил отцу родному, – посетовал он. Но открыл пробку и принюхался. Гвоздарь ждал, моля богов об удаче.

Отец отпил. Понимающе улыбнулся.

– Хорошая штука, – сказал он.

Опасность начала улетучиваться. Отец ухмыльнулся и махнул Гвоздарю бутылкой.

– Чертовски хорошая штука.

Он бросил другую бутылку в угол.

– Куда лучше этого пошла.

Гвоздарь вымученно улыбнулся:

– Рад, что тебе нравится.

Отец отпил еще и вытер рот.

– Ложись спать. Тебе завтра работать с командой. Если опоздаешь, Бапи тебя точно выгонит.

Он махнул рукой в сторону одеяла.

– Везучий ты парень, – сказал он, снова улыбнувшись. – Может, теперь так тебя и называть? Везучий.

Его зубы внезапно сверкнули в благодушной улыбке.

– Нравится имя «Везучий Парень»? – спросил он.

Гвоздарь нерешительно кивнул.

– Ага. Нравится.

Он постарался улыбнуться еще шире. Все, что угодно, только бы отец остался в нынешнем настроении.

– Очень нравится.

– Хорошо, – ответил отец, удовлетворенно кивнув. – Иди спать, Везучий Парень.

Отхлебнул еще глоток и сел у двери, глядя на надвигающийся ураган.

Гвоздарь накрылся грязным одеялом.

– Ты поступил правильно, – пробормотал его отец, сидя на другом конце хижины.

Гвоздарь внезапно почувствовал огромное облегчение. Вспомнил отца, прежнего, когда он был маленьким, когда была жива мама. Это были другие времена, и отец тогда был другим. В тусклом свете лампы Ричард Лопес показался ему тем же самым человеком, который помогал ему вырезать на стене изображение Ржавого Святого, в изголовье у матери, когда та заболела. Как давно это было.

Свернувшись клубочком, Гвоздарь порадовался тому, что хоть эту ночь сможет чувствовать себя в безопасности. Может, завтра все будет по-другому, но этот день закончился хорошо, а завтрашний день пусть сам о себе позаботится.

6

Ураган надвигался с неумолимостью танка, оружия прежнего мира. Гряды туч собрались на горизонте, а затем напоззли на побережье. Пошел дождь. Над океаном разносились раскаты грома, молнии били от туч в воду и обратно.

Начался ливень.

Гвоздарь проснулся от рокота грома, сотрясавшего бамбуковые стены хижины. Сквозь распахнувшуюся дверь дул ветер и хлестали струи дождя, внутрь проникал свет вспышек молний. Отец, будто тень, лежал рядом с ним, с открытым ртом храпя. Ветер завывал, цепляясь за лицо Гвоздаря ледяными пальцами. Ударил в стену, сорвав с нее картинку с клипером. Бумажка бешено завертелась на ветру, и в следующее мгновение ее унесло в окно, в темноту, раньше, чем Гвоздарь успел хотя бы протянуть руку, чтобы поймать ее. Он почувствовал на коже капли дождя, холодные, они летели сквозь прорехи в крыше из пальмовых листьев, которую раздирало на части ветром.

Гвоздарь перелез через спящего отца и, спотыкаясь, бросился к двери. На берегу царил страшная суeta, люди уносили ноги, забираясь поглубже в джунгли, следом за животными. Ураган, похоже, оказался не просто бурей, а настоящим убийцей городов, судя по тому, как клубились тучи и сверкали молнии. Хотя сейчас должен был быть отлив, волны накатывались на берег, доходя до кромки джунглей. Ураган нагнал воду к берегу.

Отец, конечно, говорил, что ураганы становятся сильнее с каждым годом, но Гвоздарь впервые видел ураган такой чудовищной силы. Бросился обратно к хижине.

– Папа! – заорал он. – Все уходят от берега! Нам надо уходить от наводнения!

Отец не ответил. Люди из ночных смен спешно выбирались с кораблей, мужчины и женщины сбегали по пеньковым лестницам, путаясь в них и спотыкаясь, падая, как блохи, спрыгивающие с собаки, нырнувшей в воду. В свете электрических разрядов черные туши кораблей стало видно как днем. В следующее мгновение все погрузилось во мрак. Ливень хлестал по берегу.

Гвоздарь бегал по хижине, глядя, что можно забрать с собой. Натянул последнюю оставшуюся у него смену одежды, схватил банку со светящейся мазью, отыскал серебристую серьгу и мешок риса, которые ему подарили на удачу. Хижина скрипела и раскачивалась под ударами ветра. Жесть и бамбук долго не продержатся.

Это точно убийца городов, понял Гвоздарь. Ураган, какие некоторые называли «крутой вечеринкой» или Орлеанским Наводнением. Выглянув наружу, он увидел, что все бегут от берега и ищут убежища покрепче. Ссутулившись, люди бежали сквозь струи дождя в поисках укрытия. Такого, например, как грузовой поезд, возивший металлолом. Его стальные вагоны вряд ли унесет ветром.

Гвоздарь подтащил собранные вещи к недвижимому телу отца. Сдернул одеяло, завернул в него их нехитрый скарб и принялся завязывать одной рукой. Раненое плечо жгло болью от такой активной работы. Наконец он связал узел. Сквозь крышу и стены разваливающейся хижины все сильнее лил дождь. Бледная кожа отца уже блестела от воды, но он так и не просыпался.

Гвоздарь схватил его за покрытую татуировкой руку.

– Папа!

Молчание.

– Папа!

Гвоздарь тряхнул его еще раз. Попытался вцепиться ногтями в украшенную изображением дракона кожу.

– Проснись!

Отец едва шелохнулся. После вчерашней дозы амфетамина он ничего не чувствовал.

Гвоздарь внезапно выпрямился и задумался.

Если на них обрушится вся мощь убийцы городов, здесь ничего не останется. Он слышал, что иногда наводнения сдвигали береговую линию на целую милю, превращая пляж и прибрежные джунгли в грязное болото с морской водой. Все из-за повышения уровня океана. Такой ураган может сдвинуть и корпуса кораблей. Прямо на хижину, если ее раньше ураганом не сдует.

Гвоздарь наклонился, подхватил узел и поднял его со стоном. Подошел к двери. Ветер хлестнул его по лицу каплями дождя, песком и листьями. Сверкали молнии. В их мерцающем свете ветер пронес мимо курятник Перлы, кувыряя его по песку. Кур в нем уже не было, они исчезли в серой грохочущей мгле урагана. Гвоздарь поглядел на отца. В нем боролись разные чувства.

Тот не шевелился. Обмен веществ в его мозгу настолько замедлился, что он не проснется даже от урагана. Иногда, после особо хорошей дозы, он мог проспать пару дней. Обычно Гвоздаря это радовало. Пока отец валялся в отключке после наркоты, жить становилось намного проще...

Он поставил на землю узел с пожитками. Выругав себя за глупость, ринулся наружу, сквозь ураган и ливень. Отец, конечно, пьянь и ублюдок, но он ему родной. У них глаза одного цвета, память о его матери, одна на двоих, еда одна на двоих, выпивка одна на двоих... Он – его семья, уж такая, какая есть.

Вокруг хижины вихрь крутил песок, куски провода и пластика – остатки от их работы на кораблях. Гвоздарь босиком побежал по берегу, к хижине Пимы. Лохмотья ржавого металла, куски изоляции и провода впивались в кожу, как ножи.

Порыв ветра сбил Гвоздаря с ног, он упал на колени, плечо взорвалось болью. Над головой пролетел лист металла, словно воздушный змей. Чья-то крыша или кусок металла, снятый с корабля, сложно сказать. Врезался в кокосовую пальму, и дерево упало. Сквозь рев урагана Гвоздарь даже не услышал грохот падения дерева.

Стоя на карачках на песке, он прищурился и поглядел сквозь завесу дождя. Хижины Пимы не было на месте, но он увидел силуэты девушки и ее матери, вцепившихся в веревки и пытающихся удержаться на ветру.

Гвоздарь всегда считал мать Пимы большой и сильной, ведь она работала в команде по тяжелым грузам, но сейчас, посреди урагана, она показалась ему такой же маленькой и хруп-

кой, как Ленивка. Дождь ненадолго утих. Садна и Пима оттащили от берега лодку и привязали ее к стволу дерева, гнущемуся на ветру. Их осыпало мусором. Когда Гвоздарь подобрался поближе, то разглядел у Пимы порез на лице. Кровь стекала по лбу, но она не перестала помогать матери, завязывая веревки.

– Гвоздарь! – крикнула ему Садна, махнув рукой. – Помоги Пиме тащить, по этой стороне!

Она бросила ему веревку. Обмотав ее вокруг здоровой руки, Гвоздарь потянул, и вдвоем они смогли сдвинуть лодку, плечом к плечу. Пима быстро завязала на ней узлы. Мать тут же махнула им рукой.

– Бегите за деревья! Там дальше есть выемка в скале! Там укроетесь!

Гвоздарь мотнул головой.

– Папа там! – ответил он, махнув рукой в сторону его хижины, которая чудом еще не развалилась. – Не просыпается!

Мать Пимы посмотрела на хижину сквозь дождь и мрак. Сжала губы.

– Черт. Ладно.

Махнула рукой Пиме.

– Заберешь его.

Последнее, что увидел Гвоздарь – темный силуэт Садны, движущейся сквозь ураган и дождь по берегу, в свете молний. Пима потащила его к деревьям, они пробрались сквозь хлеставшие их ветки, мотающиеся под рев урагана.

Они поспешно забрались выше, спасаясь от наводнения. Оглянувшись на берег, Гвоздарь ничего не увидел. Мать Пимы исчезла. Хижина отца тоже. Исчезло все. Берег вымело подчистую. На воде горел огонь, видимо, нефть загорелась от ударов молний и продолжала гореть, несмотря на бушующие волны и ветер.

– Пошли! – крикнула Пима и поволокла его дальше. – Еще далеко!

Они полезли сквозь джунгли, по грязи, спотыкаясь о толстые корни кипарисов. Навстречу им текли потоки воды, прорезая себе русла среди деревьев, превращаясь в реки грязи. Наконец они добрались до нужного места. Небольшая пещера в скале, сложенной из известняка, места едва хватило им двоим. Сев на корточки, они устроились внутри. Сверху ручейком стекала дождевая вода, которая постепенно собралась в лужу, и они оказались по щиколотку в холодной воде. По крайней мере, хоть от ветра укрылись.

Гвоздарь глядел на бушующий ураган. Убийца городов, это уж точно.

– Пима, – начал он, – я...

– Тихо, – перебила она, оттаскивая его от лужи поглубже в пещеру. – С ней все будет в порядке. Она крутая. Круче любого урагана.

Мимо пролетело дерево, будто зубочистка, брошенная рукой ребенка. Гвоздарь прикусил губу. Остается надеяться, что Пима права. Глупо, что он попросил помощи. Мать Пимы стоит сотни таких, как его отец.

Они ждали, дрожа от холода. Пима притянула его к себе, и они стояли, согнувшись и прижавшись друг к другу, согревая друг друга. В ожидании, когда гнев природы утихнет.

7

Ураган продолжался до конца следующей ночи. Он хлестал по берегу, срывая с места все, что не закрепили. Пима и Гвоздарь переждали его в пещере, прижавшись друг к другу и глядя на буйство природы. Их губы посинели, а кожа покрылась мурашками.

На третий день, утром, небо внезапно просветлело. Гвоздарь и Пима с трудом выбрались из пещеры и, спотыкаясь, вышли на берег вместе с другими уцелевшими, которые потоком двигались к песчаному пляжу.

Они вышли из джунглей, и Гвоздарь остановился, ошеломленный.

На берегу не было ничего. Никаких признаков того, что здесь жили люди. Лишь силуэты танкеров так и возвышались над синей водой, разбросанные в стороны, как детские игрушки. Больше не осталось ничего. С воды пропала грязь и нефть, все сверкало в лучах тропического солнца.

– Такое синее, – пробормотала Пима. – И не видела никогда, чтобы вода была такой синей.

Гвоздарь был не в силах говорить. Он никогда еще не видел берег таким пустынным.

– Вы живы, а?

К ним шла Девочка-Луна, улыбаясь. Покрытая грязью, пересидевшая ураган в невесть какой дыре, которую она нашла, но тоже живая. Следом за ней шли Жемчужный и его родители, с ужасом оглядывая берег и пытаясь осознать происшедшие перемены.

– В целостности и сохранности, – ответила Пима, оглядывая берег. – Маму мою не видела?

Девочка-Луна покачала головой, ее пирсинг засверкал на солнце.

– Наверное, где-то там, – сказала она, махнув рукой в сторону депо. – Лаки Страйк еду раздаёт всем нуждающимся. В долг, пока снова не примутся за работу на кораблях.

– Ему удалось сохранить припасы?

– Пару вагонов, полные.

– Пошли, – сказала Пима, дергая Гвоздаря за рукав.

Вокруг грузового поезда, возившего металлолом, собралась куча народу в очереди за едой, которую собрался раздавать Лаки Страйк. Пима и Гвоздарь принялись искать знакомые лица, но Садны нигде не было.

Лаки Страйк смеялся.

– Не беспокойтесь! – крикнул он. – Всем хватит! Голодать никто не будет, а потом вернется состав «Лоусон энд Карлсон», из МисМета. Скупщики ржавья сбежали от урагана, но Лаки Страйк обо всех позаботится.

Он ухмылялся, его длинные черные дреды были связаны в пучок сзади. Гвоздарь понимал, что он говорит это, чтобы люди не начали драться за еду. Если кого люди и послушают, так это Лаки Страйка.

С тех пор как ему улыбнулась большая удача, Лаки Страйк постепенно обретал все большую власть. Сейчас он уже контролировал всю контрабанду на Брайт Сэндз, от антибиотиков до «кристалл слайда». Договорился с большими боссами и делал все, что вздумается. Имел долю в игорном деле и с гулящими девками, и в доброй дюжине других дел. Деньги сами шли к нему, и он увешал себя золотыми бусинами на концах дредов, а в уши вддел большие золотые серьги. Вот уж точно по уши в деньгах.

– Не напирать! – крикнул Лаки Страйк. – Не напирать!

Он улыбался спокойно и уверенно, но позади него стояли в ряд наемные громилы, готовые силой подтвердить его власть.

Гвоздарь оглядел бандитов. Некоторых из них он знал, тех, с кем имел дело отец. Похоже, Лаки Страйк собрал у себя в охране самых отпетых бандитов. Среди них был даже тот получеловек. Огромный мускулистый силуэт чудовища возвышался над остальными, его рыло, похожее на собачье, скалилось во все зубы, отпугивая голодающих.

Пима увидела, куда смотрит Гвоздарь.

– В команде по тяжелым грузам, у мамы, он листы железа таскал. Мама говорила, он может поднять вчетверо больше, чем здоровый мужик.

– А что эта тварь здесь делает?

– Может, решил, что громиле у Лаки Страйка больше платят, чем в команде.

Получеловек снова обнажил клыки и предостерегающе рыкнул. Люди, вплотную придвинувшиеся к вагонам, сдали назад.

Лаки Страйк снова рассмеялся.

– Ладно, по крайней мере, вы хоть моего пса-убийцу слушаетесь. И правильно. Всем шаг назад. Иначе мой друг Тул научит вас, как себя вести. Я серьезно, давайте-ка, освободите место. Если Тулу кто-то не понравится, он его живьем сожрет.

В толпе недовольно заворчали, но под пристальным взглядом Тула стали отходить назад.

– Пима!

Гвоздарь и Пима обернулись на голос. К ним спешно шла Садна, таща за собой отца Гвоздаря. Бросилась вперед и обняла Пиму.

Отец Гвоздаря остановился в шаге позади. Наклонил голову.

– Похоже, ты мне шкуру спас, Везучий Парень.

– Похоже, – ответил Гвоздарь, осторожно кивнув.

Внезапно отец расхохотался и обнял его.

– Проклятье, сын! Неужели ты не хочешь обнять своего старика?

У Гвоздаря пронзило болью зашитые раны, он вздрогнул, но не стал сопротивляться.

– Проснулся в самый разгар чертова урагана, не понимая, что происходит, едва не прибил Садну, пока она мне не объяснила, что случилось, – сказал отец.

Гвоздарь встревоженно глянул на мать Пимы, но та просто пожала плечами.

– Мы разобрались, – сказала она.

– Да уж, – ухмыльнувшись, сказал отец, трогая челюсть. – Бьет, как кувалдой.

На мгновение Гвоздарь забеспокоился, что отец может затаить обиду, но сейчас он был в сознании, а не на «слайде». Почти что был способен рассуждать. Чистый, как берег после урагана. И уже вытянул шею, поглядывая, как собираются раздавать еду.

– Так там Тул? – со смехом сказал он и хлопнул Гвоздаря по плечу. – Если уж Лаки Страйк этого пса нанял, то меня точно возьмет. Сегодня хорошо поедим.

Он принялся проталкиваться сквозь толпу к охранникам Лаки Страйка. Даже не обернулся к Садне, Гвоздарю и Пиме.

Гвоздарь вздохнул с облегчением. Значит, пока все в порядке.

Разрушители кораблей продолжали разбираться с последствиями урагана. Прошел слух, что центр урагана прошел стороной, восточнее, по Орлеанской Аллее, через развалины старого города и дальше на север, сквозь разрушенный и залитый океаном Орлеан II. Разрушил все, что еще можно было разрушить.

Значит, им тут в Брайт Сэндз еще повезло, что их вообще с землей не сровняло.

Но даже от задевшего их краем урагана разрушений хватало. Везде лежали тела людей, запутавшиеся в зарослях кудзу, высоко на деревьях, в полосе прибоя. Лаки Страйк организовал похоронные команды, чтобы позаботиться о погибших. Собрать тела, сжечь или похоронить, в зависимости от того, какой веры они придерживались. И чтобы предотвратить вспышку болезней. Составить список.

Бапи пропал. Его либо разорвало на части ураганом, либо он утонул, но его нигде не было. Никто не знал, жива Ленивка или погибла. Нашли Тик-тока и его семью, все без видимых повреждений, но все мертвы.

Скупщики старья и металлолома, работавшие с «Лоусон энд Карлсон», смылись с берега, ожидая, пока кончится ураган. В отсутствие представителей крупных фирм, таких как «Дженерал Электрик», скупающих лом для производства, или «Патель Глобал Транзит», перевозящих все за океан, работа по слому кораблей встала. Учетчиков, лаборантов и охранников, взвешивавших и скупавших сырье, пока не было. Поэтому разрушители кораблей заняли себя тем, что принялись восстанавливать и строить заново хижины, обыскивать джунгли в поисках полезных вещей и рыбачить в океане. Пока все не придет в норму, они предоставлены самим себе.

Пима и Гвоздарь искали еду, собирая зеленые кокосы, упавшие с пальм, а потом двинулись к оставшимся после урагана лужам и заводям. Увидели вдалеке островок у берега.

– Там можно крабов наловить, – сказала Пима.

– Да ну? И надо нам так далеко лезть?

Пима пожалала плечами.

– Лучше искать, когда у тебя нет конкурентов, так ведь? – сказала она, показав на корабли, где никого не было. – Вряд ли мы сейчас понадобится.

Взяв холщовый мешок и ведро, они пошли, пробираясь по мокрому песку, по косе, ведущей к островку. Океан блестел как зеркало. Волны накатывались на берег, пенные гребни были белыми, как зубы ребенка. Черные туши брошенных кораблей стояли, озаренные солнцем, огромные памятники навсегда ушедшему миру.

Далеко на горизонте показался клипер с выпущенным в небеса высотным парусом. Гвоздарь прервал свое занятие, глядя, как корабль взрезает синюю гладь. Так близко и так далеко.

– Опять размечтался? – спросила Пима.

– Прости.

Гвоздарь наклонился и принялся шарить руками в луже, слегка вздрогнув от боли. Сейчас он чувствовал себя куда лучше. Синяки выцвели, рука еще висела на перевязи и слегка болела, но уже не так сильно. Они двинулись дальше по мысу. Местами на глубине можно было разглядеть в синей воде оставшиеся от старых домов бетонные фундаменты.

– Гляди-ка, – сказала Пима. – Какой огромный здесь был дом.

– Если они были такие богатые, почему они построили дома здесь, так, что их затопило? – спросил Гвоздарь.

– Откуда мне знать? Думаю, и богатые могут быть глупыми.

Пима показала дальше в залив.

– Пусть и не такими глупыми, как те, кто построил Зубы.

Вода над Зубами была спокойной, легкий ветерок едва подымал зыбь на ней. Со дна торчали черные столбы и обломки, выступая на поверхности. Под поверхностью скрывались высокие дома из кирпича и стали, медленно разваливавшиеся под ударами волн. Те, кто построил Зубы, круто просчитались с подъемом уровня океана. Сейчас макушки домов показывались только в отлив, в другое время их вообще не было видно.

– Никогда не мечтала там поискать? – спросил Гвоздарь.

– Нет, на самом деле. У других было достаточно времени, чтобы подобрать все, что легко достать.

– Ну да, но там наверняка осталось железо, сталь. То, что еще не собирали, когда дома только ушли под воду.

– Ржавое железо уже никому не понадобится, когда мы снова возьмемся за корабли.

– Да, наверное.

Но он не перестал раздумывать о богатствах, которые могут таиться там, под волнами.

Обойдя руины домов богачей прошлого, они пошли дальше по косе в сторону зеленеющего пригорка острова. Был отлив, и последний отрезок пути шел по гладкому песку, выровненному волнами. Идти по нему было легко.

Добравшись до острова, они начали пробираться сквозь деревья, кустарник и заросли кудзу достаточно быстро, даже несмотря на большое плечо Гвоздаря. Вышли на вершину острова. Вокруг раскинулась синяя гладь океана, будто они оказались посреди него, далеко от берега. С воды дул сильный ветер, и сейчас Гвоздарь мог представить себе, что стоит на палубе океанского корабля, идущего к горизонту. Он поглядел на дугу горизонта, туда, на другой конец мира.

– Хорошо там, где нас нет, – пробормотала Пима.

– Ага.

Он никогда еще не оказывался так близко к открытому морю. Если слишком много думать об этом, ничего хорошего не выйдет. Есть люди, которым повезло родиться богатыми и ходить под парусами на клиперах.

А есть береговые крысы, такие как он и Пима.

Гвоздарь с усилием отвел взгляд от горизонта и начал оглядывать бухту. В глубине виднелись тени Зубов. Иногда корабли налетали на Зубы, если команда не знала особенностей этого побережья. Он видел, как рыболовное судно повисло на них и утонуло. Его так и не смогли снять с торчащих вверх штырей. Некоторые разрушители кораблей туда плавали в поисках добычи. В зависимости от высоты прилива Зубы могли укусить и по-настоящему.

– Пошли, – сказала Пима. – Нам не нужно, чтобы нас здесь прилив застал.

Гвоздарь пошел следом за ней вниз по склону, позволяя ей помочь ему в трудных местах.

– Твой папа еще трезвый был? – внезапно спросила Пима.

Гвоздарь принялся вспоминать, что было утром. Отец был в хорошем настроении, глаза не затуманены, он смеялся, радуясь наступившему дню, но еще его слегка потряхивало, так, как с ним бывало, когда он не примет очередную дозу «кристал слайда» или «ред риппера».

– Да, наверное, некоторое время будет в порядке. Лаки Страйк не позволит ему выходить на работу нетрезвым. Наверное, до вечера продержится.

– Не знаю, и зачем ты взялся его спасать, – сказала Пима. – Он только и делал, что колотил тебя.

Гвоздарь пожал плечами. На острове рос густой подлесок, и ему на каждом шагу приходилось отодвигать ветки, чтобы они не хлестали его по лицу.

– Он не всегда таким был. Когда-то был другим. До того, как сел на наркотики, как умерла мама.

– Он и тогда был не слишком-то хорошим. Просто сейчас стал еще хуже.

– Ну да... – скривившись, ответил Гвоздарь. Пожал плечами, раздраемый противоречивыми чувствами. – Наверное, я бы не выбрался из той нефти, если бы не он. Он научил меня плавать, хорошо научил. Как считаешь, хоть этим я ему обязан?

– В сравнении с тем, сколько раз он разбивал тебе голову? – скривившись в ответ, спросила Пима. – Ты дал ему шанс. А он тебя когда-нибудь приберет.

Гвоздарь промолчал. Если подумать, он сам не знал, почему решил спасти отца. Ричард Лопес отнюдь не украшал ему жизнь. Может, потому, что многие учили его, что семья – самое главное? Жемчужный говорил. Мама Пимы тоже. Все так говорят. А Ричард Лопес, каким бы он ни был, единственный родной человек.

Но он не мог отделаться от мыслей, как хорошо бы ему было жить с Садной и Пимой. Постоянно жить в их хижине, а не только сбегав от отца, нажравшегося «кристал слайда». Знать, что ему не придется уходить через день-два, чтобы вернуться к отцу. Жить с людьми, на которых можно положиться. Которые всегда тебя прикроют.

Подлесок кончился, и они пошли вдоль заводей и острых скал у оконечности острова. Из воды выступали гранитные выходы породы, образуя что-то вроде естественного волнолома, который защищал остров от сильных волн. Пима начала собирать оглушенных штормом крокеров и губанов, бросая их в ведро.

– Много рыбы. Больше, чем я думала.

Гвоздарь не ответил. Он глядел на скалы вдали. Между ними что-то сверкало, как стекло, белое и блестящее.

– Эй, Пима, – сказал он, взяв ее за плечо. – Посмотри.

– Какого черта? – спросила Пима, выпрямляясь.

– Это же клипер, так? – спросил Гвоздарь. Сглотнул и сделал шаг вперед. Остановился. Может, обман зрения? Он так и ждал, что образ развеется в следующее мгновение. Белые борта, полощущиеся полотно шелка и брезента. – Точно. Это должен быть он. Точно клипер.

Пима тихо рассмеялась у него за спиной.

– Нет. Ты ошибся, Гвоздарь. Это не клипер.

И вдруг бегом рванула к кораблю.

– Это добыча!

Смех все еще разносился по ветру, дразня его. Выйдя из ступора, Гвоздарь ринулся следом. Из рта вырвался радостный вопль, он несся по песку.

Впереди, маня его, сверкал на солнце белый, как крыло чайки, корпус корабля. Налетевшего на скалы.

8

Корабль лежал на боку, разбитый и полузатопленный. Он сломался посередине. Даже разбившийся, он был прекрасен, не то что ржавые железные посудины, на которых им приходилось каждый день работать.

Большой, предназначенный для океанских плаваний, чтобы возить людей и грузы через Северный полюс, крышу мира, в Россию и Японию. Или через бурную Атлантику, в Африку и Европу. Подводные крылья были убраны, но через проломы в углепластиковом корпусе Гвоздарь разглядел механизмы. Огромные устройства, выдвигающие крылья, сложные системы механики, гидравлики и электроники.

Палуба корабля была наклонена в их сторону, на ней стояла пушка Баккела и высокооборотные катушки тросов высотных парусов. Однажды Бапи, будучи в хорошем настроении, рассказал Гвоздарю, как это работает. Пушка выбрасывает парус на сотни метров вверх, парус ловит высотный ветер, который разгоняет идущий на подводных крыльях корабль. Он может скользить над волнами на огромной скорости, больше пятидесяти узлов.

Гвоздарь и Пима резко остановились, глядя на нависающий над ними разбитый корабль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.